

ПАВЕЛ МЕЛЬНИКОВ-
ПЕЧЕРСКИЙ

ПИСЬМА О РАСКОЛЕ

Павел Иванович Мельников-Печерский

Письма о расколе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377575

Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«Раскол и раскольники представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое раскол. Этого мало: девять десятых самих раскольников вполне не сознают, что такое раскол. А между тем русская литература в двести лет произвела более сотни книг, относящихся к расколу, не говоря о журнальных статьях последнего времени».

Содержание

Письмо первое	4
Письмо второе	18
Письмо третье	33
Письмо четвертое	56
Письмо пятое	78

Павел Иванович Мельников-Печерский Письма о расколе

Письмо первое

Раскол и раскольники представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое *раскол*. Этого мало: девять десятых самих раскольников вполне не сознают, что такое *раскол*.

А между тем русская литература в двести лет произвела более сотни книг, относящихся к расколу, не говоря о журнальных статьях последнего времени. Но что представляют все эти книги? Много ли они разъясняют дело раскола? Многочисленные сочинения полемического содержания касались не сущности дела, но лишь случайных, внешних его признаков, которые иногда не заключали в себе ровно ничего существенного. Еще менее выяснили раскол сочинения исторические. Во всех, решительно во всех этого рода книгах, начиная от книги А. И. Журавлева, говорится очень

много о разных предметах, относящихся к расколу, но очень мало о сущности раскола. Во всех совершенное отсутствие критики; во всех односторонность... Затем, до последнего времени (т. е. до 1857 г.) русская литература не представила никакого другого материала для исследования раскола. Оттого-то вопрос о расколе представляется до сих пор столь неясным, столь запутанным, что для надлежащего разъяснения его путем анализа потребно еще много материалов, много времени и много специалистов. Это совершенно нетронутая почва.

Да, ни наша администрация¹, ни наша литература, двести лет видя пред собою во всех отношениях замечательное явление, до сих пор ясно не понимают, что это за явление.

Да, надо откровенно сознаться, что в продолжение двухсот лет ни русская администрация, ни русская литература ничего почти не сделали для разъяснения этого предмета, предмета темного, не любящего света и к тому же, по стечению обстоятельств, на долгое время поставленного в потемки тайны. Администрация сначала воздвигала костры, потом собирала подать с бороды и рядила раскольников в кафтаны с козырем и знаком на воротах, а впоследствии облек-

---

¹ Правительство не дальше, как в 1853 году, признало необходимым узнать, что такое раскол. Для этого в четырех губерниях специально приготовленными людьми собраны были материалы и на основании их составлены «отчеты о современном состоянии раскола». Эти отчеты не опубликованы, но, по счастливому стечению обстоятельств, ими воспользовались г. Шапов и редакторы «Православного Собеседника».

ла все дело раскола в непроницаемую канцелярскую тайну. Литература сперва величаво и подробно рассуждала о том, сколькими пальцами ради спасения души надо креститься и сколько раз говорить «аллилуйя», а потом стала искать в расколе воображаемых качеств, основывая свои воззрения не на личном знакомстве с расколом и раскольниками и не на взгляде их на религию и социальные отношения.

Теперь, когда мы пережили и страшную пору костров, и странную пору тайны, и темную пору схоластического словопрения о сложении перстов и ходах посолонь, теперь, когда все это признано несчастными и неудачными попытками уничтожить раскол, теперь мы знаем о нем все-таки не больше того, сколько знали наши деды и отцы во времена страшных костров, странной тайны и темной, раздражительной схоластической полемики. Мы даже меньше их знаем, ибо больше, чем они, удалились от простого народа. Между тем некоторые сочинения по части раскола, явившиеся в последнее время (с 1857 г.), частью в журналах, частью отдельными книгами, доказали, что русская публика жаждет уяснения этого предмета, горячо желает, чтобы путем всепросвещающего анализа разъяснили ей наконец загадочное явление, отражающееся на десятке миллионов русских людей и не на одной сотне тысяч народа в Пруссии, Австрии, Дунайских княжествах, Турции, Малой Азии, Египте и, может быть, даже Японии². И образованная публика и грамот-

---

² «Путешественник в Опоньское царство», о раскольнической рукописи пер-

ные простолюдины, даже многие, очень многие раскольники чувствуют необходимость узнать, что за явление этот загадочный раскол, о существовании которого двести лет все знают и которого до сих пор никто не понимает. Но сочинения о расколе, явившиеся в последнее время, еще не вполне удовлетворяют возникшей потребности... Впрочем, тем, к сожалению, немногим специалистам, которые знают русский народ и, изучив его в книгах, видали и лицом к лицу раскольников, может быть, еще рано подвергать раскол анализу. Прежде анализа необходимо собрать материалы, все материалы. Прежде чем судить о расколе безошибочно, надобно побольше таких деятелей, как гг. Шапов, Максимов, Есипов, Ламанский, Александр Б...; надобно побольше таких изданий, какими в последнее время подарил публику г. Кожанчиков, надобно побольше таких статей, какие помещаются в «Чтениях императорского московского общества истории», в журнале г. Тихонравова и в сборнике г. Кельсиева.

Материалами для научных аналитических исследований о расколе могли бы служить:

- 1) Сочинения духовных лиц, писавших о расколе.
- 2) Сочинения раскольнические: исторические, полемические и пр.
- 3) Архивные дела разных правительственных учреждений.

Сочинения духовных лиц, несмотря на их односторон-

ность (они касаются почти исключительно обрядов внешнего богочитания), составляют довольно важный материал для исследований о расколе. Эти сочинения никогда не составляли секрета; напротив, они печатались для того, чтобы быть распространенными в народе сколь возможно в большем числе экземпляров. Между тем самые важные из них составляют теперь библиографическую редкость. Так, например: «Скрижаль», «Увет», «Жезл правления», «Пращица», «Обличение раскольников» (Феофилакта) теперь находятся лишь в немногих библиотеках, хотя в первой половине прошлого века были разосланы почти во все церковные приходы. Но не только сочинения этого рода, писанные и печатанные в XVII и XVIII столетиях, даже некоторые из недавно вышедших в свет книг составляют в высшей степени библиографическую редкость, например, книга православного епископа Платона Афонацкевича о Белой-Кринице и о раскольничьем митрополите Амвросии, напечатанная в 1848 году, «О духоборцах», профессора киевской академии Ореста Новицкого, и друг.³ Считаю излишним говорить, как бы полезно было для исторической науки новое издание всех этого рода сочинений. Если возразят указанием на материальные затраты и вопросом: могут ли распродажею книг покрыться эти затраты? – то ответ готов: «Розыск о раскольнической брынской вере», Димитрия Ростовского, имел четыре

---

³ Теперь эта книжка в три печатных листа стоит не менее 50 р. Я знаю, что ее покупали и за 100 р.

издания и все-таки составлял библиографическую редкость; в 1855 году напечатали пятое, и теперь, через семь лет, мы уже не встречаем его в книжных лавках, кроме синодальной, да и в той, как слышно, осталось немного экземпляров. Само собой разумеется, что более нужно издание тех сочинений духовных лиц, относящихся к расколу, которые вовсе не были напечатаны и хранятся по разным библиотекам, преимущественно по семинарским.

Не менее важно для успеха исторических исследований о расколе новое издание некоторых рукописных, а также и напечатанных в XVII столетии сочинений, составленных до патриаршества Никона. На этих сочинениях раскольники основывают свои мнения, и поэтому критический разбор их необходим. В особенности желательно было бы видеть в новом издании следующие книги, теперь весьма редкие, книги, без изучения которых шагу нельзя сделать тем, которые желают рассуждать о русском расколе не с ветру, а основательно: 1) «Стоглав», 2) «Потребники», напечатанные в Москве в 1625, 1633, 1636, 1647 годах, 3) «Большой катехизис», напечатанный в Москве при патриархе Филарете, 4) «Соборник», напечатанный в Москве в 1642 и 1647 годах, 5) «Псалтырь следованная», одобренная патриархом Иосифом, 6) «Кириллова книга», напечатанная в Москве в 1644 году, 7) «Книга о вере», напечатанная в Москве в 1648 году, 8) «Кормчая», напечатанная в Москве в 1653 году, 9) «Скитское покаяние», напечатанное в Супрасле в 1788 году, 10)

«Проскинитарий» Арсения Суханова⁴ и многие другие. Само собой разумеется, что некоторые из этих книг надо печатать не целиком, а только частями, например, в Иосифовской псалтыри для изучения раскола важно только предисловие.

Что касается до печатных сочинений о расколе, составленных светскими членами православной церкви, то их немного. До последнего времени всего их было, кажется, только двое: г. Андрей Муравьев, автор книги: «Раскол, обличаемый своею историею», и г. А. Щапов, издавший в 1857 году книгу о расколе, напечатанную им, когда он был еще студентом Казанской духовной академии. Первое из этих сочинений теперь редко, но сомнительно, чтобы, в видах научной пользы, потребно было новое издание сочинений г. Муравьева. Что касается сочинения А. П. Щапова, то, конечно, это лучшее из всех доселе вышедших в свет сочинений о расколе, несмотря на некоторые недостатки, неизбежные для студента, еще мало знакомого с действительной жизнью раскольников. Сколько мне известно, уважаемый автор этого замечательного труда намерен, пересмотрев и исправив свою книгу, издать ее вновь. Всякий, кому дорога наука, от души пожелает, чтобы обстоятельства благоприятствовали этому прекрасному намерению г. Щапова.

В последнее время и за границей появлялись некоторые

---

⁴ «Проскинитарий» напечатан в 1-м томе «Сказаний русского народа» г. Сахарова, но с выпусками тех мест, которые имеют какое-либо отношение к расколу. «Стоглав» напечатан за границей, но по неисправному списку.

сочинения о русском расколе. Кроме лондонского «Сборника о раскольниках» г. Кельсиева (на русском языке), особенно замечательны: на немецком – барона Гакстгаузена (в его «Путешествии по России»), на английском – графа Красинского (о протестантизме у славян) и на французском – неизвестного автора, но по всему видно, что русского чиновника, «Le Raskol»...

Сочинения раскольников довольно многочисленны. Они имеют даже свою библиографию в каталоге Павла Онуфриевича Любопытного, доведенном до двадцатых годов нынешнего столетия⁵. После П. Любопытного являлось еще немало раскольнических сочинений. До последнего времени из раскольнических сочинений были напечатаны весьма немногие. Перечисление их не будет продолжительным.

1) «История о отцах и страдальцах соловецких». Начинается: *Аще убо древле творец Омир.*

2) «Соловецкая челобитная царю Алексею Михайловичу», начинающаяся следующим обращением к государю: *Благоверному и благочестивому и в православии светло сияющему.*

3) «Послание к брату» (Фирсова), начинающееся словами: *Понеже прошение твое бысть.*

4) «Повесть о белом клобуке», начинающаяся: *По смерти убо нечестивого царя Максентия.* Это сочинение не раскольническое в тесном смысле; оно писано не против право-

---

⁵ Этот каталог, говорят, скоро будет напечатан.

славия, но было обидно для Москвы, – возвышалось пред нею Новгород, – а потому и осуждено на том же соборе 1667 года, на котором преданы отлучению и раскольники.

5) «Повесть дьякона Феодора» (О Аввакуме, Лазаре и Епифании), начинающаяся: *Тайну цареву добро есть храни ти.*

6) Его же «Мучение неких старец и исповедник Петра и Евдокима», начинающееся: *В лето 7177 февраля 17.*

7) «Прение священнодьякона Феодора», начинающееся: *Митрополиту, живущу на Москве.*

Все эти сочинения напечатаны в одном сборнике славянской печатью, несколько раз перепечатаны (в конце XVIII ст.) в польских типографиях (в Супрасли и друг.) и в России, именно в Клинцах.

В последнее время (в 1861 г.) стали наконец появляться в печати раскольнические сочинения⁶. Нельзя не пожелать, в видах пользы общественной и пользы науки, чтобы все раскольнические сочинения были наконец извлечены из-под спуда и напечатаны хотя бы для одного того, чтобы перед светом гласности они потеряли то обаятельное влияние, которое по редкости и таинственности своей они имеют доселе на наших простолюдинов. Было время, когда полагали, будто оглашение такого рода сочинений опасно для православия и может иметь вредное влияние на народ. Такое мнение, признанное теперь и церковью и правительством за оши-

---

⁶ «История Выговской пустыни», «Житие Аввакума» и друг.

бочное, было оскорбительно для церкви, которой не только какой-нибудь раскол, но даже самые врата адовы, по слову Иисуса Христа, одолеть не могут. Ведь наше православие, как известно, чисто и непорочно, а чистой и непорочной вере нечего опасаться каких-нибудь расколов. Напротив, утаение возражений противников церкви даже может поселить сомнение в сердцах верных. Утаение раскольничьих сочинений придает им важность, которой они не имеют. Утаение от света печатного слова доселе вредило господствующей церкви несравненно более, чем все, что ни написано в этих книгах. Утаение этих книг придавало им авторитет, а расколу силу. Сведение этих секретных сочинений и строгое запрещение не только печатать, но даже иметь их у себя в рукописях давало расколу личину страдающей, угнетаемой правды не только в среде раскольников, но и в глазах образованных людей. В настоящее время, когда начали появляться в печати раскольнические сочинения, и люди образованные и люди только грамотные сознательно усматривают, что учение раскола не более как порождение невежества. Кто же больше всего негодует теперь на появление в свет раскольнических сочинений? Белокриницкие архиереи, беглые попы, раскольничьи большаки, наставники, уставщики, уставщицы, а особенно так называемые народом «коноводы», которым раскол доставляет более или менее значительные материальные выгоды. Эти люди печатание раскольнических сочинений, извлечение их из-под спуда обаятельной тайны и

прежде считали, и теперь считают делом несравненно опаснейшим для них, чем бывшие в прежние времена костры, пытки, ссылки и всякого рода преследования. Эти преследования не только не уничтожали раскола, но, напротив, возвышали и укрепляли его, доставляя ему сонмы страдальцев и мучеников и умножая таким образом число новых последователей, которые, ввиду каждого преследования, толпами обращались в раскол, не понимая вполне сознательно, в чем он состоит, но памятуя лишь старую русскую пословицу: «не та вера свята, которая мучит, а та, которую мучат». Напротив, разоблачение тайн раскола посредством печатания раскольнических сочинений лучше всего покажет и уже начинает показывать несостоятельность догматики раскола, что совершенно роняет авторитет расколоучителей. В настоящее время хотя немного, но уже поднят край завесы, за которой, под тенью благотворной для раскола, и только для одного раскола, тайны, давно скрывалось и пока еще скрывается много неразгаданного, много темного. Желать напечатания всех раскольнических сочинений, как бы дерзко ни отзывались они о церкви и правительстве, значит желать блага и преуспевания этому самому православию и этому самому правительству. Православию ли бояться тьмы и наветов невежества, которые имеют силу лишь до той поры, пока они не выйдут на свет божий? Кто думает противное, тот оскорбляет достоинство православия. Все, все вышедшее из-под пера расколоучителей непременно следует напечатать, а по-

том все дело подвергнуть строгому анализу и выставить на страшный, неподкупный суд общественного мнения. Гласность, народные школы и совершенное отсутствие даже мало-мальских религиозных преследований – вот единственно верные средства к тому, чтобы раскол пал сам собою. Не надо забывать, что все эти средства не только допускаются, но даже проповедаются православием.

Архивные дела разных правительственных учреждений заключают в себе громадную массу сведений о расколе. Но едва ли правы те, которые смутность современных понятий о расколе считают прямым и *исключительным* следствием недоступности архивов, полагая, что как скоро архивные дела сделаются общедоступными, то сейчас же мгла, покрывающая понятия о расколе, рассеется. Отрицать возможность разъяснения полуведомого или даже почти совсем неведомого раскола посредством извлечения материалов из архивов было бы крайне нелепо, но и полагать, что в этих архивах заключается *все, что нужно для дела*, значит ошибаться. Что заключается во всей этой громадной массе старых дел? Известия о действиях церкви и правительства против раскольников и дела, возникавшие по *частным* случаям. Все это, конечно, важно и, пожалуй, даже необходимо для научного исследования раскола, но все-таки далеко не составляет *главного* и, как иные полагают, *единственного* источника для изучения раскола. Заметим при этом, что архивными делами о расколе следует пользоваться с крайней осторожно-

стью, потому что, при формальных допросах и показаниях, раскольники (да и не одни раскольники) не бывают откровенны и искренни. Вообще в архивных делах что-нибудь одно: или пристрастный, односторонний взгляд лица, чуждого расколу, или умышленно несправедливые объяснения своего дела раскольниками. Взаимное недоверие тех и других лиц, недоверие, существующее не со вчерашнего дня, достаточно объясняет причину этого явления.

До последнего времени правительственные архивы, в которых хранятся дела о раскольниках, были совершенно недоступны для исследователей, но теперь и с них понемножку снимается всегда и во всем вредная тайна. Нам остается только желать, чтобы как можно более являлось таких трудолюбивых и добросовестных архивных деятелей, как гг. Есипов и Ламанский⁷.

Но если наконец будут напечатаны и все сочинения духовных лиц, писавших о расколе, составляющие в настоящее время библиографическую редкость, и *все, без исключения*, сочинения раскольников, и наконец извлечения из всех архивных дел, то и тогда всего этого богатого и разнообразного материала все-таки будет еще недостаточно для того, чтобы основательно изучить раскол и снять с него ту темную завесу, которая мешает мыслящим людям знать, что это за явление

---

⁷ «Записки отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества», т. II, изданные в 1861 году под редакцией В. И. Ламанского. «Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии» Г. В. Есиповым, С.-Пб., 1861 г.

ние, двести лет существующее в России и никем из русских еще не разгаданное.

Не в одних книгах надо изучать раскол. Кроме изучения его в книгах и архивах, необходимо стать с ним лицом к лицу, пожить в раскольнических монастырях, в скитах, в колибах, в заимках, в кельях, в лесах и т. п., изучить его в живых проявлениях, в преданиях и поверьях, не переданных бумаге, но свято сохраняемых целым рядом поколений; изучить обычаи раскольников, в которых немало своеобразного и отличного от обычаев прочих русских простолюдинов; узнать воззрение раскольников разных толков на мир духовный и мир житейский, на внутреннее устройство их общин и т. п.

Только при подобном изучении раскола и при имени под руками тех материалов, о которых сказано выше, можно будет приступить к *анализу раскола*. А до тех пор это одна трата времени и труда.

Письмо второе

В конце XVII и в начале XVIII столетия, при Петре и его ближайших преемниках, знали тогдашний раскол несравненно лучше, чем мы знаем раскол современный. Знали его лучше нас потому, что, ведя с ним борьбу прямую, борьбу открытую, старались его узнавать во всех подробностях, как полководец старается узнавать состояние враждебного стана. Знали раскол лучше нас и потому, что сами раскольники, как ни тяготели над ними суровые, жестокие законоположения того времени, не вели дел своих так скрытно, как в ближайшее к нам время, не таились ни перед кем до той поры, пока на опыте не узнали, что искренность и откровенность не ведут ни к чему, кроме усиления преследований. Раскольники писали более, чем теперь, правды о своих религиозных убеждениях, обрядах и устройстве своих общин. Главная причина такой откровенности в виду костров, застенков, плахи, кнута и ссылок заключалась в том, что вопрос раскольнический поставлен был при условиях полной гласности. Велась гласная и поэтому честная полемика между представителями церкви и представителями раскола. Правда, в этой полемике было много неприличного, доходившего с обеих сторон даже до ругательств, даже до богохульства; но это было неизбежно при фанатизме обеих сторон, который тогда был в полном разгаре и не мог не быть, ибо в

первую пору всякого религиозного разномыслия фанатизм неизбежно проявляется во всей своей силе, со всеми своими темными сторонами. Притом же грубость и невежество отличали тот век и отражались даже в сочинениях самых просвещенных писателей XVIII века не только у нас в России, не вышедшей еще из мрака невежества, но и в западных государствах, далеко опередивших Россию на пути цивилизации. Несмотря, однако, на фанатизм, несмотря на узкую односторонность, дикую раздражительность и все неприличие (на глаза людей XIX века) этой полемики, правды и искренности в ней было несравненно больше, чем в осторожных и уклончивых сочинениях последующих поколений.

Петр I, при всей широте принадлежавшего ему воззрения на свободу совести, для раскольников, и только для одних их, признавал нужною и даже необходимою строгость. Петру, при его беспокойной, лихорадочной деятельности, хотелось как можно скорее, во что бы то ни стало, совершить задуманную им, для утверждения централизации и абсолютизма, реформу. Ему еще при жизни своей хотелось весь противный ему старинный русский быт заменить бытом народов западных, столь полюбившихся ему сперва на Москве, в Немецкой слободе, где пировал он с Лефортом и девицами Моне, а потом за границей, где в то время господствовал полный абсолютизм. Русский народ охотно перенимал все полезные нововведения, но не мог видеть пользы ни в бритье бород, ни в табаке, ни в парике, ни в других подобного

рода нововведениях. Всего больше народ русский упорствовал там, где петровская реформа касалась домашнего очага, частного быта, вековых преданий. Но, не будучи в силах бороться, русский народ противопоставлял железной воле реформатора страшную силу – *силу отрицания*. Петр, которому хотелось, чтобы все его подданные даже и думали не иначе, как он велит, постигал, что за мощная, что за непреодолимая это сила, единственная сила, которую выработал русский народ под гнетом московской централизации, воеводских притеснений и крепостной зависимости, сила, заменившая в нашем народе энергию, заснувшую с тех пор, как сняты были вечевые колокола и вольное слово самоуправления замолкло перед лицом Москвы. Отрицание всего сильнее было со стороны раскольников, и Петр полагал, что в них, и именно в них одних, кроется корень противления его преобразованиям. В этом убеждении он не мог смотреть на раскольников иначе, как «на лютых неприятелей государю и государству, непрестанно зло мыслящих», как выразился он в одном из многочисленных своих указов. До какой степени было справедливо такое мнение Петра, можно видеть из опубликованных в последнее время материалов по делу о несчастном царевиче Алексее Петровиче. Может быть, старо-русская партия царевича возлагала свои надежды на раскольников, может быть, и сами раскольники возлагали на Алексея свои надежды; может быть, они хотя и ошибались, но смотрели на несчастную жертву интриг Меншикова и

Екатерины как на будущего восстановителя попираемой и презираемой отцом его старины; но ни в розыске по делу царевича, ни во всех раскольнических сочинениях того времени, ни в преданиях раскольников не видно ни самомалейшего следа, который обличал бы какую-нибудь причастность раскольников к этому делу. Но тем не менее крутые, железные меры Петра против раскольников и строгий правительственный надзор за ними начинаются непосредственно за процессом царевича Алексея. Явление, достойное серьезного исторического исследования, на которое, сколько мне помнится, еще не было обращено внимания исследователей. Кто знает, может быть, какая-нибудь строка, какое-нибудь невольное слово полупомешанного колодника, вырванное у него на дыбе или на виске, навлекло на раскольников длинный ряд строгих и несправедливых преследований.

Но Петр, объявив публично и торжественно государственными и своими личными неприятелями раскольников, вступив с ними в борьбу не как с противниками господствующей церкви, но как с ревностными поборниками ненавистной ему старины, хотел смотреть расколу прямо в глаза и в конце своего царствования употреблял все возможные для него способы и средства, чтобы наверное и как можно скорей узнать, с кем и с чем имеет он дело. Гласно, открыто, со свойственной ему во всех, даже и в самых жестоких и несправедливых делах, откровенностью, с полным, никогда не покидавшим его убеждением в непогрешительности всех

своих поступков, вступил Петр в борьбу с расколом. Он не принял себе за образец испанских королей, которых еще с XV века православное духовенство ставило русским государям в образец, достойный подражания⁸, и которым, как известно из истории, иные христианские монархи и последовали. Он не подражал ни Филиппу II, ни его преемникам, что в безгласном мраке инквизиции секретно губили даже подозреваемых только в уклонении от господствующей церкви, тщательно отбирая повсюду и предавая то таинственному, то всенародному, торжественному сожжению книги и рукописи, которые у них отбирали. Петр не старался о том, чтобы никто не смел говорить о расколе; да и странно было бы не говорить о том, что существует, что растет с каждым днем, что возбуждает против себя сильные меры правительств, что возвышает свой голос, что заставляет подчас задумываться самого Петра, не любившего ни над чем задумываться. Хотя он открыто и торжественно заявил себя непримиримым врагом раскола, но не прятал дела в мрак безгласности. В этом, и только в одном этом отношении он

---

⁸ Так, в 1490 году Геннадий, архиепископ новгородский, знаменитый, впрочем, ревнитель просвещения, писал к московскому митрополиту Зосиме по делу о новгородских еретиках: «А толко, государь наш, сын твой князь великий, того не обыщет и тех не казнит, ино как ему с своей земли та соромота свести? Ано фрязове по своей вере какову крепость держат; сказывал мне посол цесарев про шпанского короля, как он свою землю очистил, и яз с тех речей и список к тебе послал, и ты-б, господине, о том великому князю пристойно говорил не только спасения ради его, но и чти (чести) для государя великого князя». «Акты археогр. экспедиции», 1, № 381.

не подражал современнику своему Людовику XIV, абсолютизм которого в глазах Петра был идеалом государственного благоустройства. Он не разрушал молитвенных домов раскольников, как тот разрушал молельни кальвинистов, не отбирал достояния раскольников в пользу православных церквей (единоверия при Петре еще не было), как Людовик отбирал достояние гугенотов в пользу католических капелл. Он не посылал войск для насильственного побуждения раскольников возвратиться в лоно православия, как Людовик XIV, посылавший полки драгун для обращения гугенотов «в лоно святой римско-католической церкви». Нет, в этом отношении Петр не был похож ни на своих предшественников, ни на своих современников, ни даже на своих преемников. Он вел с раскольниками борьбу гласную, борьбу открытую. Одной рукой карая их, как противников совершаемой им реформы, карая их, как людей, противопоставивших ему страшную даже и для его железной воли силу отрицания, другой рукой он осыпал их благодеяниями, если замечал, что гражданская деятельность их для него полезна. Так, по представлению Геннинга, он предоставил важные льготы поморским и выгорецким раскольникам, на опыте доказавшим полезность свою для учрежденных в нынешней Олонецкой губернии горных заводов и сверх того отыскавшим неизвестные дотоле в России золотые рудники. Оттого и сами раскольники, как ни тяжела была для них железная рука Петрова, как ни ненавистен был им этот губитель старины, оглашенный

ими за антихриста, верили ему и до тех пор не скрывали перед ним своих дел, пока казнь Александра дьякона в Нижнем и ряд обманов и подлогов, допущенных чересчур усердными слугами Петра, не заставили их быть осторожнее и недоверчивее⁹.

Петр также никогда не скрывал и числа раскольников, как это делывалось впоследствии, и тем не заставлял их скрываться в тайне. Напротив, ему принадлежит известный и

---

⁹ Замечательнейшими памятниками этого времени были «Керженские ответы Александра дьякона Питириму» и «Поморские ответы Андрея Денисова Неофиту». Первые заключают в себе полный свод всех убеждений раскольников поповщинской секты, вторые – такой же свод убеждений беспоповщины. Несмотря на то, что в продолжение последних 140 лет и поповщина и беспоповщина во многом и даже очень во многом изменились, нам доселе остается судить о догматствовании того и другого толка преимущественно по «Ответам Керженским и Поморским», ибо после них не являлось более ни одного столь полного и столь стройного раскольнического сочинения, в котором так подробно, так обстоятельно и вместе с тем так откровенно изложены были бы религиозные разномыслия русских раскольников. «Керженские ответы» распространены в меньшем числе экземпляров, чем «Ответы Поморские». Подлинник их принадлежит теперь мне. Почти двадцать лет принадлежит мне эта рукопись, но лишь недавно, по совершенно случайному обстоятельству, нашел я на бывших приклеенными к переплету листках собственноручную заметку Питирима; по сличении рукописи с подписями Александра оказалось некоторое сходство в почерке. Полного сходства и быть не может, ибо «Ответы» писаны уставом, а подписи скорописью. Г-н Александр Б. в своем «Описании книг, написанных в пользу раскола» подробно говорит о «Керженских ответах», но, кажется, бывший у него под руками список не полон. Иначе он, конечно, не пропустил бы, например, весьма замечательного описания внешности «Деяния на Мартина армянина», рукописи, которая, по повелению Петра I, была выложена для удостоверения раскольников, а потом запечатана, положена в синодальную московскую библиотеку и не была показана даже и Карамзину («Ист. Гос. Росс.», т. II, прим. 415).

впоследствии долго действовавший закон об официальной переписи раскольников по всему государству, с наложением строгих наказаний за избежание и укрывательство от записи в заведенные для того особые книги. Всякий, даже вновь поступивший в раскол, обязан был записаться раскольником в приказе духовных дел. За это преследования и наказания не было, как впоследствии. Петр до такой степени был далек от римско-католической системы секретом прикрывать религиозные разномыслия, что даже строго предписал всем раскольникам, под опасением тяжелого штрафа, носить особое указное платье. Он хотел, чтобы все раскольники были у него и у всех на виду и на счету, не теряясь в общей массе. Повеление об указном платье составляет правительственную меру, оправдываемую общим характером петровских действий и неприменимую к последовавшему времени, но во всяком случае она чрезвычайно замечательна, как свидетельство того, что Петр хотя и признавал раскольников своими «лютыми неприятелями», но никогда из дела их не хотел делать секрета, не хотел его прятать в потемки, ибо знал, что ничто так не может усилить и распространить раскола, как тайна, и ничего нет для него страшнее, как полная гласность. Казни, пытки, ссылки усилили раскол, умножили число его последователей, но далеко не настолько, насколько в последнее время увеличила их несчастная тайна, которой долгое время покрыт был раскол и которая доходила до того, что даже нельзя было напечатать слов: «в России есть

раскольники».

Полная гласность в деле правительственных противодействий расколу продолжалась при ближайших преемниках Петровых. Когда, по доносу разбойника Караулова, открыта была в Москве хлыстовщина, неправильно названная тогда квакерскою ересью, Святейший синод издал, в 1734 году, указ о всех тайноствах этой ереси, для *всенародного объявления*. Этот указ читали в церквах, чтобы все знали о новой ереси. Так поступали и во всех подобных случаях.

При таких действиях правительства в первой половине XVIII века накопился большой запас сведений о религиозных разномыслиях русского народа, из которых можно было тогда, можно и теперь получить довольно ясное понятие о том, что такое был русский раскол в то уже далекое от нас время. Недостаток сведений сказывается лишь относительно тех религиозных разномыслий, последователи которых, понимая лучше влиятельных людей позднейшего времени, что ничто так не укрепит их вероучения, как секрет, действовали в тайне и потому до времени не обращали на себя внимания. Под покровом тайны, благодетельной для успехов всякого религиозного разномыслия, развились в прошлом и в нынешнем столетиях нелепые и изуверные учения хлыстов, скопцов, шелапутов, фарисеев, что едва ли случилось бы, если бы первые их последователи вели свое дело открыто и гласно.

Открытая борьба с расколом продолжалась и во вре-

мя елизаветинского царствования. Елизавета, благоговевшая пред всяким действием своего отца и вместе с тем исполнявшая желания православного духовенства, была для раскольников грознее своих предшественников. Но как ни жестоки были в ее время действия против последователей раскола, все же они были гласны и открыты. Петр III, как скоро вступил на престол, повелел прекратить преследования раскольников. Это до такой степени обрадовало преследуемых в продолжение целого века раскольников, что все они доселе уважают память этого государя, а некоторые секторы (скопцы) даже признали его воплощенным божеством. Одно это обстоятельство может достаточно показать, каково было раскольникам до дней Петра III.

Со времени Петра III и Екатерины для русского раскола начинается новая эпоха. Борьба правительства с расколом была прекращена. Она прекратилась не вследствие победы той или другой стороны, не вследствие мира или перемирия между враждующими, но вследствие сознания, что дальнейшая борьба бесполезна и не может привести ни к каким благоприятным результатам.

Нельзя не заметить, что прекращению преследований раскольников, начавшихся перед тем за сто лет, немало способствовали совершенно посторонние, внешние условия. Безусловное подражание Западу при Петре I, создавшем у нас, по западным образцам, централизацию, навлекло гонение на бородатых раскольников за безграничную преданность их

старорусскому быту, отрицавшему, хотя и глупо, эту централизацию. То же подражание Западу, но ради других побуждений, способствовало и прекращению этого гонения на раскольников. В полное удовлетворение господствовавшего тогда в Европе увлечения филантропическими теориями французских энциклопедистов раскольнические верования у нас, наряду со всеми другими религиозными разномыслиями, поступили под снисходительный покров общих государственных постановлений. Вследствие того прежние петровские меры исключительной к раскольникам строгости были частью положительно отменены, вообще же решительно, систематически приостановлены. Нравственное влияние Дидро и Вольтера на Екатерину немало содействовало прекращению преследований: она едва подписала указы о возвращении раскольникам утраченных предками их гражданских прав и естественного права свободной совести, как писала уже следующие строки к фернейскому пустыннику, оратору европейских дворов и князю философов XVIII века: «терпимость всех вер у нас законом уставлена, следовательно, гонение запрещается; правда, есть у нас такие исступленники, кои, по неимению гонения, сами себя сожигают, но если бы подобные им, находящиеся в других государствах, делали то же, то бы сие не только что большого зла не сделало, но еще бы более доставило свету спокойствия, и Колас не был бы колесован»¹⁰.

---

¹⁰ «Историческая и философическая переписка императрицы Екатерины II с

В силу указов Екатерины, раскольники, получив полные гражданские права и свободу богослужения по старым книгам, во множестве добровольно воротились из-за границы, куда толпами уходили во время преследований, вышли из лесов и скитов и явились жителями городов. Из бесполезных для общества и государства тунеядных отшельников и пустынников превратились они в домовитых, оборотливых и богатых торговцев, фабрикантов и ремесленников, придавших новые, свежие силы развитию государственного богатства. Фабричная и торговая деятельность, за которую принялись дотоле утесняемые за свободу совести люди, стала развиваться с очевидным для всех, даже и для упорнейших противников раскола, успехом. Стародубские слободы наполнялись суконными фабриками, и если бы встал из гроба Петр, столь много и неусыпно заботившийся о суконной фабрикации в России, то он, без сомнения, клинцовским раскольникам оказал бы такие же милости, как поморским и выгорецким. В Москве и ее окрестностях, во Владимирской, Ярославской губерниях то и дело появлялись фабрики, и все раскольничьи. При Екатерине II возникла наша торговля, наша промышленность, наша ремесленность, но напрасно думают некоторые, что это было последствием непривившихся в русской жизни городского положения 1785 г. и пресловутых немецких цехов, целиком пересаженных на русскую почву и до сих пор не пустивших ни одного живого отпрыска. Ско-

рее прекращение преследований раскольников имело важную долю влияния на развитие русской торговли, фабричной и ремесленной деятельности, чем эти цехи, которые, может быть, хороши для Риги с ее средневековыми понятиями, но отнюдь не для какой-нибудь Калуги, а тем еще менее Арзамаса и Кунгура.

В екатерининское время раскол хотя и перестал считаться таким злом, против которого нужны костры, пытки, кнут и плаха, но тем не менее был по-прежнему у всех на виду. Правительственный секрет еще не выступал ему на помощь. Раскол сам даже старался высказываться в правдивом виде, так как ему не для чего было скрываться. Вот почему о положении раскола во времена Екатерины II, Павла и Александра I накопилось достаточное количество сведений довольно удовлетворительных.

При рассмотрении второго полного собрания законов Российской империи, изданного по повелению Николая I, с первого поверхностного даже взгляда заметно, что узаконения о раскольниках составляют весьма незначительную часть в этом собрании законодательных актов государства за последнее, ближайшее к нам время. В первом собрании (1649–1825) законодательство о расколе, сравнительно с общим размером всего законодательства, не в пример обширнее. Но было бы весьма ошибочно выводить из этого заключение, что в сказанную эпоху на раскольников обращалось внимания меньше, чем прежде. Напротив, правительствен-

ный надзор был в это время значительно усилен, но обращен не на *раскол*, а на *раскольников*, преимущественно же на тех, которые своими действиями или нравственным влиянием на своих единоверцев могли способствовать укреплению раскола или нарушению форм и правил городского и земского благоустройства. Другими словами, этот надзор состоял в строгом и обширном соблюдении закона, изложенного в 60 ст. Устава о предупреждении и пресечении преступлений (Св. зак., т. XIV): «раскольники не преследуются за мнения их о вере, но запрещается им совращать и склонять кого-либо в раскол свой, под каким бы то ни было видом, чинить какие-либо дерзости против православной церкви или против ее священнослужителей, и вообще уклоняться почему-либо от наблюдения общих правил благоустройства, законами определенных». Число дел о раскольниках в эту эпоху значительно увеличилось, но почти все эти дела, наполняющие теперь заповедные архивы, касаются отдельных личностей и мелочных большею частью случаев, а не сущности раскола и не движений, бывших в раскольничьих общинах. Таким образом, от последнего, ближайшего к нам времени, хотя и осталась громада дел, но они очень мало могут доставить материала для научных исследований о расколе.

Строгое исполнение приведенного выше закона и широкое толкование его низшими властями сделало с 1827 года раскольников крайне осторожными, и литература их, прежде обширная, с этого времени как бы иссякает, ибо не только

авторы, но и переписчики, даже владельцы, даже читатели рукописей, при первом дознании о таком «преступлении» привлекались к суду. Но, говоря: *как бы иссякает*, я не хотел сказать, чтобы она *вовсе иссякла* в последнее время. Напротив, она продолжалась и продолжается, но произведения ее сохранялись с такой осторожностью, что для исследователя раскола было несравненно легче попасть в заботливо охраняемые от посторонних глаз архивы, чем познакомиться с этой *подпольной*¹¹ литературой. Впечатление минувшего времени так сильно, что доставать раскольнические рукописи не всякому легко даже и теперь.

Словом сказать, чем дальше от нас протекшее время, тем больше представляет оно материалов для научных исследований о расколе, а чем оно ближе к нам, тем меньше материалов.

Но главный материал все-таки заключается не в книгах, не в рукописях, не в пыльных тетрадях и столбцах архивных дел, но в живых проявлениях раскола, в быте и воззрениях его последователей на мир житейский и мир духовный.

---

¹¹ Подпольные книги – выражение самих раскольников.

Письмо третье

Главнейшую причину запутанности понятий и знаний наших о расколе должно искать, как я уже заметил, в крайней недостаточности *точных* сведений и *определенных* понятий о настоящем значении того полуведомого явления жизни русского народа, которое принято у нас называть *расколом*. Название это весьма неточно. Ему дается слишком широкое значение.

И в самом деле, не только в общем, обыкновенном употреблении, но и на правительственном языке администрации, даже самого законодательства, именем раскола издавна называли и называют *все вообще виды* уклонения русских людей от православия, все вообще виды религиозных разномыслий, которые когда-либо были причастны русскому человеку. Но в настоящее время больше, чем когда-нибудь, эти виды до того оказываются между собою различными, что смешивать их в одном общем наименовании сколь неверно логически, столь же и вредно практически. Называют раскол нравственной болезнью русского народа. Не буду распространяться о том, верно или неверно такое уподобление. Но предположим, что оно верно. Что вышло бы, например, из медицины, если бы она все болезни человеческого организма смешала под общим названием, хоть, например, *нездоровья*, всем разнообразным болезням приписала одни и

те же свойства и на этом основании стала врачевать их одним безразличным средством? Последствия, подобные тем, какие произошли бы от этого между больными, обнаружались и неминуемо должны были обнаружиться в течение последних двухсот лет при попытках *лечить* русский народ от раскола, этой *нравственной* болезни, как называли его некоторые. Все религиозные разномыслия смешали под общим названием *раскола* и лечили его одними лекарствами, большей частью такими, какие в медицине называются героическими, ибо кнута, ссылки, установленных Уложением, систематического распределения наказаний раскольникам в известных 12 статьях царевны Софии, крутых мер Петра I и пр. т. п., конечно, нельзя не назвать лекарствами сильными, героическими. Продолжая сравнение, меры Петра III, Екатерины, Александра I надо назвать лекарствами успокоительными и паллиативными. Но *врачи* раскола, с половины XVII века, смотря на все разномыслия русского народа с одной точки зрения, не замечая между ними существенного различия, естественно должны были впадать в такие ошибки, которые не могли принести пользы. Главная ошибка заключалась в том, что религиозные разномыслия в нашем народе были слишком разнообразны и происходили из разных источников, а этого не подозревали даже и самые светлые головы XVII и XVIII столетий.

Придерживающийся так называемой поповщины, т. е. самого близкого к православию толка, и бегун сопелковский,

вовсе не сектатор, но лишь, под личиной религиозности, разрывающий все связи общественного и семейного быта, возводящий бродяжество на степень догмата и вечно живущий в иллюзиях и галлюцинациях, хлыст и уродующий себя и других скопец, — все это разумелось под одним именем: *раскольники*, и на всех столь разнородных сектаторов смотрели одинаково. Знали, что раскол разнообразен, но разнообразие его полагали только в различии внешних обрядов богочтения. Принимая этого рода различие за основание, не избегли другой крайности, насчитали чуть не до сотни сект в России, тогда как их и было и есть весьма немного. Сознание о разнородности религиозных разномыслий русского народа, по отношению к их учению и взгляду на общественные связи, а не по отношению к внешним обрядам, возникло только в нынешнем столетии, в ближайшее к нам время. До тех пор раскол узнавали, так сказать, ошупью, имея притом завязанные глаза. Впрочем, и в настоящее время эта повязка еще не совсем снята с глаз и администраторов и научных исследователей.

А между тем, при тех системах действий, которые попеременно употребляемы были против раскола в последние двести лет, и при том незнании раскола в его подробностях, которое у нас господствовало, неизбежно должна была произойти *несправедливость*. Она была невольной, а не сознательной, и потому мы не вполне вправе кого-либо из деятелей прошлого времени, сошедших уже в темные могилы,

укорять в умышленной жестокости или в умышленном поворстве; но тем не менее *несправедливость* существовала. Она была неизбежным следствием *ошибки*. До 1762 года, например, строгие меры и лишения гражданских прав, наравне с изуверами, постигали и поповщину, которая от господствующей церкви отличается единственно тем, что ее последователи не признают авторитета за православными архиереями. Над поповщиной даже сильнее тяготела петровская система действий, потому что последователи ее больше других были на виду. После 1762 года гражданские права и преимущества, возвращенные раскольникам Петром III и Екатериной II, были распространены в равной степени и на тех полезных членов общества, которые быстро возвысили во второй половине прошлого столетия промышленную, торговую и ремесленную деятельность России, и на изуверов, которые неоспоримо вредны для всякого общества и не могут быть терпимы ни в каком благоустроенном государстве, как, например: возводившие убийство на степень религиозного догмата, разрывающие все связи общественные, скопцы и т. п.

В ближайшее к нам время обращено было внимание на разнородность раскола. Стали искать, в чем состоит различие разнообразных религиозных разномыслий русского народа. Первое различие сект и разделение их на *вредные* и *менее вредные* встречаем не ранее 1830 года, когда, высочайше утвержденным, 20 октября 1830 года, мнением государственного совета, для руководства в делах о духоборцах,

иконоборцах, молоканах, иудействующих и последователях других, признанных особенно вредными ересей, постановлены были правила, напечатанные в «Полном Собрании Законов»¹². Это отличие *раскола* вообще от так называемых *ересей особенно вредных*, для которых административный надзор усиливается и строгость юридических взысканий увеличивается, вошло в свод законов, а в 1845 году и в уголовный кодекс. Но что именно следует относить к разряду ересей, признанных особенно вредными, и что к разряду обыкновенного *раскола*, где граница между этими юридическими подразделениями религиозных разномыслий, законодательство ни тогда, ни после не указало. Умолчало оно и о том, для кого вредны секты, признанные вредными: для церкви, или для государства, или для народа; не указало и того, в каком отношении они вредны: в политическом, или в религиозном, или по причине нарушения последователями их существующих уставов городского и земского благоустройства; не объяснено и того, в чем именно состоит вред; не предостерегло таким образом народа от того, что само назвало вредной язвой... Но этого мало; в законодательстве¹³ после поименования под рубрикой вредных ересей: духоборцев, иконоборцев, молокан, иудействующих и скопцов, присовокупляется выражение: *и других*. Это выражение кратко, но значе-

---

¹² «Второе Полное Собрание Законов», № 4010.

¹³ «Св. зак.», т. XIV. Устав о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 79 и 87. «Уложения о наказаниях», ст. 217 («Св. зак.», т. XV).

ние его очень широко¹⁴. При незнании сущности религиозного разномыслия той и другой секты низшими исполнителями закона, произвол их делается на основании этого *и других* еще шире. В выражении *и других* заметно уклонение в неопределенную мглу сбивчивости понятий о том явлении, которое называется расколом. Уклонение неизбежное, которого не быть не могло, которое, при всей добросовестности деятелей, при всей чистоте их намерений, неминуемо должно было оказаться. Причина тому – неведение сущности раскола, этого явления, до сих пор еще никем вполне и ясно не понимаемого. А можно ли определить степень вреда или пользы чего бы то ни было, не узнав наперед свойств предмета, которому приписывается вредное или полезное влияние? До тех пор, пока при распределении вреда и преступности сект пред лицом существующего государственного порядка и благоустройства принимается за основание не общий дух и состав секты по отношению их к государству, но частные случаи фанатизма, от времени до времени обнаруживающегося в видимых гласных действиях преимущественно помешанных или полупомешанных сектаторов, все будут ходить

---

¹⁴ Это «и других» внесено на основании следующих слов закона 8 октября 1835 года: «Кроме духоборцев, иконоборцев, молоканов, иудействующих, должно считать особенно вредными скопцов и не молящихся за царя, и сверх того и тех раскольников, кои, по местным соображениям, будут в равной степени признаваться вредными для общества; о сих последних испрашивать каждый раз разрешения министерства внутренних дел, описывая обряды, мнения и правила, и означать степень вреда, от них происходящего».

в отношении раскола ощупью...¹⁵

Замечу мимоходом один случай, который наглядно покажет, что, при известном стечении обстоятельств, может произойти от неведения или непонимания сущности той или другой секты. Лет шесть-семь тому назад в Костромской, помнится, губернии одна несчастная женщина зарезала двух малолетних детей своих и, при производстве формального следствия, объявила, что она сделала это по побуждению родительской любви. Она в самом деле была самой нежной матерью и, как говорится, души не чаяла в своих детях, что единогласно показали под присягой все ее знавшие. Несчастливая говорила, что она теперь рада за детей, что они, как невинные младенцы, теперь наслаждаются блаженством в лоне божьем, а если бы выросли, то еще бог знает, какую жизнь стали бы вести и сподобились ли бы райского блаженства, которое теперь для них несомненно. Несчастливая мать была раскольница, но, к счастью, она принадлежала к тому огромному большинству раскольников, которые, по книгам и записям, значатся принадлежащими к господствующей церкви. Будь она *записной* (в книге) раскольницей, ее взгляд на детоубийство, совпадающий со взглядом, например, секты *детоубивателей*, о которой еще в первой половине прошлого столетия упоминает преосвященный Феофилакт Лопатинский в

---

¹⁵ Для избрания правильной и твердой системы действий в отношении к расколу правительством собираются необходимые, полные и верные сведения о существующих, догматических их учениях и внутреннем составе их общин.

своем «Обличении неправды раскольнической»¹⁶, секты, которой, как отдельного толка, никогда не было, – навлек бы на бедную мать страшное наказание по действующему уголовному кодексу; но, к счастью, она хотя и была раскольница, но значилась православною. Одержимая душевной болезнью *mania religiosa*, несчастная женщина помещена была в доме умалишенных.

Никак нельзя судить о степени вреда той или другой секты по отдельным, частным случаям проявления фанатизма, для этого необходимо добросовестное исследование духа и сущности каждой секты. Ведь если раскол – болезнь народная, как думали некоторые, то уж и к нему надо было бы отнести известную медицинскую истину, что злые припадки нередко обнаруживаются при самых безопасных болезнях. А сколько бывало и у нас и у других народов случаев фанатизма совершенно случайных, на основании которых неведающие сущности дела созидали небывалые, никогда не существовавшие секты! У нас это часто бывало, особенно в прошлом столетии. Таковы: морельщики, детоубиватели, самосожигатели, иконоборцы, пасховерцы, иудействующие, мессалиане, монтане и много-много других. Но об этом в другом месте, чтобы не отвлекаться далеко от предмета настоящего письма.

Распределение религиозных разномыслий русского народа на два широкие отдела: *раскола* и *особенно вредных ересей*, без определенной граничной черты между теми и дру-

---

¹⁶ В прибавлении к изданию 1745 года, под № 23-м.

гими, не могло не обнаружить пред лицом законодательства своего несовершенства, столь вредного в случаях практического применения закона к действительной жизни. Поэтому последовало другое разделение раскола. Вот оно:

1) *Старообрядцы*, приемлющие священство.

2) *Раскольники* разных согласий, не приемлющие священства, но поклоняющиеся иконам.

3) *Духоборцы, молокане и иконоборцы* (?), не приемлющие священства и не поклоняющиеся иконам.

4) *Субботники* или *жиды*, приемлющие вместо св. крещения обрезание (?).

5) *Скопцы*.

В этом распределении заметно уже небольшое знакомство с некоторыми сектами. В нем видно и некоторое каноническое основание. *Подцерковники*¹⁷, например, верно отделены от *раскольников*, а эти от *еретиков*. Но в разделении еретиков на три отдела (3, 4 и 5) опять заметно неведение, неизбежное, естественное, ибо во время составления этого распределения еще не были и приблизительно исследованы ереси. Так, отведен особый отдел жидам (такой секты, собственно, нет), но забыты божьи люди (христовщина, или хлыстовщина), самое древнее русское религиозное разномыслие, занесенное на русскую почву еще при св. Владимире, одновременно с православием, происходящее от болгарских богомилов, как эти происходят от азиатских манихеев, и т. д. до

---

¹⁷ Так «Кормчая» называет третий чин ересей.

гностиков и Филона Александрийского.

Впоследствии в обозначении отделов русских религиозных разномыслий были допущены изменения, которые, надо сказать, уклонились от верности несколько далее, чем сейчас приведенное разделение. Вот как разделили сектаторов:

1) *Приемлющие священство.*

2) *Беспоповщина.*

а) Признающие браки и молящиеся за царя.

б) Не признающие браков и не молящиеся за царя.

3) *Молоканы, духоборцы и иконоборцы, субботники или иудействующие.*

4) *Скопцы, хлысты, шелапуты и другие, придерживающиеся скопчества*¹⁸.

---

¹⁸ В декабре 1842 года последовало от Св. синода следующее распределение раскольников на три степени: «А. *Секты вреднейшие*: 1) *Иудействующие*, ибо это хуже, нежели ересь: это совершенное отпадение от христианства и существенная вражда против христианства. 2) *Молоканы*. Хотя, по-видимому, держатся Священного Писания, но берут из него только то, что им нравится. Не признают никаких таинств, никакой иерархии. Не принимая присяги, не уважают верности и никакой власти, не признают ее богопоставленную, повинуются только поколику нельзя противиться. Секта разрушительная. 3) *Духоборцы*, сколько известно, одинакового духа с молоканами. 4) *Хлыстовщина*. Ересь богохульная, потому что, не отвергая наружного общения с христианскою церковью, вводит человекообожание. 5) *Скопцы*. Также богохульная ересь, потому что начальника секты почитает Христом. Вредит обществу, осуждая брак, искажая людей и истребляя потомство. 6) Те *беспоповщинские* секты, которые отвергают брак и молитву за царя. Они пишут и произносят жестокие хулы на церковь и таинства, и всякую власть нынешнего времени почитают антихристовою. Отвергая брак, вводят безнравственность. Б. *Секта вредная*. Те из *беспоповщины*, которые не отвергают брака (новожены) и не отрекаются от молитвы за царя. По сим чертам могли бы

Здесь главнейший недостаток в разделении беспоповщины. Брак признается *всеми* разномыслящими, кроме скопцов и хлыстов. У беспоповщины есть брак гражданский (*сводные браки, браки по родительскому благословению*), временный (*посестрие*). Есть у некоторых (даже и в поповщине) беглый брак (*свадьба уходом*). Не признает брака федосеевщина, но ведь истые федосеевцы в своем роде безбрачные монахи, в молодости все они «миршатся», то есть живут брачно (не венчаясь, стало быть, это временный гражданский брак), а потом, достигнув известного возраста, прерывают супружеские отношения и до смерти остаются в безбрачии и целомудрии. Вообще говоря, приведенное подразделение раскола, по-видимому, довольно подробное и обстоятельное, имеет тот коренной недостаток, что в нем, при отсутствии ясных и точных понятий о существе дела, разные наименования религиозных разномыслий разбросаны по рубрикам произвольно, без надлежащего соображения с действительностью. Причина этого неизбежного недостатка заключается опять-таки в той же недостаточности сведений и неясности понятий наших об общем духе каждой секты, сведений, которые можно получить лишь прямо из наблюдений над расколом в живых его проявлениях. Принятые же для приведенного

почестья менее вредными, но решительно вредны, потому что отвергают священство и таинство евхаристии и, кроме сказанного, все заимствуют от худших отраслей беспоповщины и, между прочим, дух демократический. В. *Секта менее вредная. Поповщина*. Это не ересь, а раскол. Более церковного сохраняет и более представляет надежды к обращению».

распределения основания опираются на мертвые буквы официальных бумаг и на отдельные случаи проявлений фанатизма. Неизбежным последствием этого было то, что здесь допущены такие секты, *каких в действительности нет*, и, с другой стороны, виды сектаторства, которые на деле существуют, пропущены или смешаны между собой. Поясню это тремя-четырьмя примерами.

1) В приведенном правительственном подразделении религиозных разномыслий русского народа на разряды, а равно в уголовном кодексе и в Уставах благочиния, упоминается секта *иконоборцев*.

Что это за секта? Уж не остатки ли иконоклястов, что торжествовали в Византии при императорах Исаврийской династии? Совсем нет! *Особой* секты иконоборцев в русском народе *нет и никогда не бывало*.

Раскольники, называющие себя «старобрядцами» или «староверами», т. е. все те, которые отделились от церковного единения по поводу исправления обрядов, произведенного патриархом Никоном, иначе все отделы поповщины и беспоповщины, не принимают икон живописных и нового письма, но старым, а некоторые толки даже и новым, но иконописным, поклоняются. Правда, бывали отдельные случаи, не имеющие, впрочем, ничего общего с духом секты, что так называемые староверы, в пылу фанатизма, совершали иконоборные ругательства над новыми живописными иконами, но их на этом основании еще нельзя назвать иконоборца-

ми, так как они поклоняются своим старым иконам. У хлыстов, скопцов и т. п. есть иконы, и хотя им не отдается такого чествования, как в православной церкви, но все же их почитают и употребляют при совершении некоторых обрядов, например, при приеме в свое общество новых членов и пр. Мало того, у них, кроме наших икон, есть еще свои, как, например: у хлыстов – их верховного гостя саваофа Даниила Филипповича, их христов Ивана Тимофеевича и Прокопия Лупкина, их богородицы Акулины Ивановны и проч.; у скопцов – их Христа Кондратия Селиванова, их предтечи Александра Ивановича Шилова, их богородиц Акулины Ивановны и Анны Родионовны, и пр. Стало быть, их ни в каком случае нельзя назвать иконоборцами. Духоборцы и молоканы, отвергающие всякую внешность, всякий обряд, отвергают иконы, как старые, так и новые, как живописные, так и иконописные, но их все-таки нельзя назвать *только* иконоборцами, ибо сущность их верований состоит не просто в раскольническом разрыве с господствующей церковью из-за внешних обрядов и обычаев, как, например, почитание икон, но в совершенном отрицании никейского символа, этого краеугольного основания всех христианских исповеданий, и сверх того в отвержении таинств, церковного устройства и всяких обрядов внешнего богочитания. Но если духоборцы и молоканы и действительно могут считаться иконоборцами, то ведь каждый из этих толков значит в разбираемом распределении раскола на секты особо, под сво-

им именем. Кого же, спрашивается, должно, сверх них, разуметь под иконоборцами? Правда, о иконоборцах упоминают еще в начале прошлого столетия св. Дмитрий Ростовский и Феофилакт Лопатинский. Известия первого относятся к 1708 году. В этом году к ростовскому митрополиту пришел из нижегородского Заволжья (где Керженец и Чернораменье, столь известные в истории раскола) иеромонах Иоасаф и принес «малые тетрадицы», в которых были исчислены все тогдашние *скиты (секты)*¹⁹, существовавшие в Брынских лесах, т. е. в нижегородском и костромском Заволжье. В этом списке встречаем *иконоборщину*, и потом такое ее объяснение: «Иже вся святяя иконы и старыя и новыя отмечают»²⁰. В том же 1708 году отыскал митрополит Дмитрий в самом Ростове одного иконоборца, посадского человека, по имени Трофим, беседовал с ним и нашел, что он «глагола еретическим лютеранским и кальвинским, купно и жидовским духом от Писания святого»²¹. Всякому, кто сколько-нибудь знаком с религиозными разномыслиями нашего народа, ясно, что этот Трофим был последователем ереси Дмитрия Евдокимовича Тверитинова (Дерюшкина), которая шла не от русского раскола, а от новгородских еретиков времен Ивана III и особенно развилась в начале XVIII столетия по

---

¹⁹ Дмитрий Ростовский слово *скиты* употребляет всегда в смысле «толк, секты».

²⁰ «Розыск», 65 и 66.

²¹ «Розыск», 173 и 174.

влиянию любимцев Петровых, немцев-иноверцев, живших в Москве²². Это то, что впоследствии стали называть *молоканством*. Из объяснений св. Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского видно, что последователи Тверитинова и ростовец Трофим на почтение икон смотрели как на идолопоклонство, т. е. как и нынешние молоканы и духоборцы. Совсем не такой представляет иконоборскую ересь, лет через пятнадцать после кончины Дмитрия Ростовского Феофилакт Лопатинский. Он говорит: «Ересь иконоборская за то была в расколе: от старых икон благодать божия отлете, а вновь писанным такожде (sic!); только на восток поклоняются»²³. Это уже не молоканы, но все-таки и не особая ересь, все-таки не иконоборческая ересь, ибо последователи той секты, о которой имел неясное понятие Феофилакт, отвергали иконы только по *факту*, а по *принципу* их признавали. И до сих пор можно встретить таких раскольников, особенно престарелых, не только в беспоповщине, но даже, хотя и редко, в поповщине. Из ревности, не по разуму, они почитают святой только *свою* икону, зная, что она стара или благочестивым человеком написана. Не почитая чужих икон, они возят свою по дорогам, и, будучи в своем ли доме, в чужом ли, только этой иконе молятся, не позволяя ей молиться другим, даже самым близким людям. У раскольников беспоповщинских толков по деревням нередко можно встретить по две,

---

²² «Камень веры» Стефана Яворского, т. 1–9 и след.

²³ «Обличение». В прибавлении к изданию 1745 г., № 34.

по три иконы в каждом углу тесной избы, задернутые пеленой: старик-хозяин молится одной, старуха жена его – другой иконе, а в переднем углу общая еще икона: она назначена для молодых, еще во грехах и суетах мира живущих членов семейства и для проходящих. Что касается молитвы на восток, о которой говорит Лопатинский, то мне самому пришлось однажды в Княгининском уезде видеть точно такое моление. Случился ночью в деревне пожар; сгорело несколько раскольничьих домов; из дома, в котором загорелось, не успели и икон вынести, хотя, как известно, русский крестьянин, православный он или раскольник, все равно, в случае пожара, прежде всего спасает от огня «божье милосердие», т. е. иконы. Утром, на восходе солнца, когда дома еще догорали, погорелый старик и с ним две старухи *молились на восток*, потому что их иконы сгорели, а другим, по их словам, они поклоняться не привыкли. Ведь это не иконоборцы, конечно? А такие же точно старики и старухи, в том же самом Княгининском уезде, до 1848 года, когда разобрали их дело, значились в книгах земского суда иконоборцами и таким образом были причислены к *вреднейшим* сектаторам. А они были нетовцы. *Особой* секты иконоборцев у нас решительно нет, кроме разве подобных княгининским.

2) В административном распределении раскольников по сектам особая рубрика отведена для *субботников*, или иудействующих, которых прежде называли даже просто

«жидами», приемлющими, вместо крещения, обрезание²⁴. В «Уложении о наказаниях» эта секта отнесена к самым вредным, и не только распространителям ее полагается тяжкое наказание, но даже если бы при отправлении принадлежащими к этой ереси обрядов в той комнате находился малолетний крестьянин (какого именно возраста, не определено, следовательно, и полугодовой ребенок), то и он отдается в кантонисты, а если неспособен, то на казенные фабрики; причем не упомянуто даже и об ограничении такого наказания относительно детей, по рождению принадлежащих к привилегированным сословиям, права которых разрушаются частью при отдаче в кантонисты и *совершенно* при отдаче на казенные фабрики²⁵. По закону, «местные власти, сколь возможно, преграждают жидовствующим сообщение с правоверными жителями и для того не выдают паспортов никому из принадлежащих к жидовской ереси для отлучки в дру-

---

²⁴ Заметим, между прочим, что эти субботники, по высочайшему повелению 3 февраля 1825 года переименованные в жидов, существовали и в царствование Петра I. Вот что говорит о них Феофилакт Лопатинский («Обличение», в прибавлении № 32). «Субботовщина, когда христиане постятся, тогда они не постятся: также и в праздниках противность, и то равняют как у нас разрешение противу поста арменска: также ино-де православным кое общение с никонианы. Оле! злоба не весть предпочитати полезное». Ясно, как день, что это секта Тверитинова, которую после стали называть молоканами также потому, что они в православные посты не постились, а ели молоко – самое употребительное из скоромных кушаний в обыденной жизни русского крестьянина, который, по бедности своей, ест мясо только в самые большие праздники.

²⁵ «Уложение о наказаниях», стр. 219 («Св. Зак.», т. XV).

гие места. Из уездов, в коих находится жидовская ересь, высылать всех евреев без исключения и ни под каким предлогом не позволять им там пребывания. С евреями, являющимися в уездах, в коих находится жидовская ересь, поступать как с беспаспортными, подвергая взысканию и лица, давшие им пристанище»²⁶.

Где же эти уезды, в которые не должны являться евреи, казалось бы, уж совершенно чуждые русскому расколу? Подозреваемых в небывалом жидовстве, более сорока лет тому назад, селили в бывшем Александровском уезде бывшей Кавказской губернии и в нынешней губернии Бакинской. Но жида ли они были?

Многочисленными опытами доказано, что под именем иудействующих в действительности были не последователи Моисеева закона, но либо мистики, начитавшиеся Юнга, Штиллинга, Эккартсгаузена (имевших в начале нынешнего столетия большое влияние на грамотных простолюдинов), либо хлысты, либо молоканы. Если являлось какое-нибудь общество мистиков, не соблюдавших постов и других внешних обрядов господствующей церкви, их сейчас заподозревали в жидовстве. Старинная, почти пятисотлетняя форма воззрений русских людей на всякого рода мистические и отвергающие внешние обряды согласия! Даже в ближайшее к нам время так называемых «десных христиан» на Урале

---

²⁶ «Устав о предупреждении и пресечении преступлений», ст. 84, 85 и 86 («Св. Зак.», т. XIV).

признали было жидами и подозревали их в совершении еврейских обрядов и даже в обрезании. Мистическое братство «сионской церкви» в том же подозревалось... Хлысты имеют обычай тайно собираться для совершения своих обрядов не в самые праздники, а накануне их, стало быть, не по воскресеньям, а по *субботам*.

Отсюда им, по некоторым местам, дали имя *субботников*. Молоканы, при своих собраниях, поют одни только псалмы Давидовы, читают преимущественно Ветхий Завет, особенно места, обличающие идолопоклонство, к которому применяют почитание икон и мощей православными. Отсюда тоже подозрение в содержании жидовства. Наконец между молоканами есть так называемые *молоканы-субботники*, которые не признают Иисуса Христа сыном божьим. Это нечто вроде западных социниан и унитаров. Отсюда также подозрение в жидовстве. Но ни мистики, ни хлысты, ни молоканы не ожидают пришествия Мессии, не совершают еврейских обрядов и праздников, Талмуда совершенно не знают. Теперь скажем об обрезании, заменяющем будто бы у русских жидов крещение. Правда, есть молоканские секты, утверждающие, что крещение есть обучение детей грамоте, а причащение – приобщение глаголу божью, т. е. чтение Св. Писания; но чтобы они употребляли, вместо крещения, обрезание, совершенных юридических доказательств тому нет. Не оспариваю, чтобы не случилось между русскими людьми когда-нибудь обращения в еврейскую веру с обрезанием; мог-

ли быть отдельные случаи, но никогда не было целого общества таких жидов, особой секты жидовствующих и притом с пропагандой²⁷. Название же жидов, по всей вероятности, присвоено частью мистикам, частью хлыстам, а больше всего молоканам, которых зовут субботниками и которые от времени до времени попадались под суд, составленный из людей, ровно ничего не смысливших в религиозных разномыслиях как русского, так и других народов. А названы последователи всех этих разномыслий, в особенности же русские социниане и унитары (молоканы-субботники), жидами на следующем основании.

Под № 30.436 в опубликованном Полном Собрании Законов Российской империи напечатано: «Как ничто не может иметь большого влияния над простым народом, как презрение или посмеяние над заблуждениями, в кои совращать его ищут, и что именно средство сие употребляют как раскольники разных сект, так и субботники в отношении православной веры, то *именовать субботников жидами и оглашать, что они подлинно суть жиды*, ибо настоящее их наименование субботников, или придерживающихся Моисееву закону,

---

²⁷ В единоплеменном и единоверном с нами царстве Болгарском являлись тоже так называемые жидовствующие. Один проповедник этой ереси явился некогда в самом Тернове... О болгарских жидах ничего не могу сказать положительно, потому что не довольно основательно знаком с старой болгарской литературой. Глубокоуважаемый С. Н. Палаузов, как единственный у нас знаток болгарской церкви, истории и литературы, объяснит нам это явление в жизни болгарского народа.

не дает народу точного о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в жидовство». Это было постановлено 3 февраля 1825 года. Но еще задолго до этого история наша представила поразительно сходный пример такого же правительственного распоряжения, пример, относящийся ко времени Ивана Васильевича III. Так называемых «новгородских еретиков», которые были то же самое, что впоследствии секты Бакшина, Висковатова, Тверитинова, а в настоящее время молоканы, огласили *«жидовствующими»*, ради отвращения народа от их учения, этого отпрыска реформационных идей, волновавших тогда умы в Западной Европе, учения, которое в самое короткое время было так распространено в России, что многие лица, стоявшие на самых высших ступенях общественной иерархии, открыто его приняли. Неужели и они были жидаы? Кто же они были? А вот кто: когда впоследствии один монах Троицко-Сергиева монастыря, принадлежавший к этой ереси, бежал из России за литовский рубеж, то, как скоро прибыл он в Витебск, тамошние реформаторы сделали его своим пастором. Да и в нашем веке англичанин Мельвиль, протестантский миссионер²⁸ и некоторые социниане из иностранцев, вступили было за Кавказом в тесные связи и полное общение с «общими»

---

²⁸ Уехал из России, именно из Одессы, с последним кораблем, перед наложением эмбарго в 1853 году. Он дал правильную организацию общинам акинфьевщины, или секты «общих» около Шемахи, что принято и в Самаре, и в Енисейской губернии, и в Минусинском округе.

и с так называемыми «жидовствующими». Какие же это жи- ды? Повторяю: *особой секты жидов в русском народе нет и не бывало.*

3) О хлыстах в первом распределении сект, а также в «Уложении о наказаниях» и в «Уставах благочиния» не упо- мянуто; во втором хотя они и поименованы, однако смеша- ны с скопцами, шелапутами и другими *придерживающимися*, как сказано там, *скопчества*. Между тем хлысты в дей- ствительности составляют весьма обширную и притом со- вершенно самостоятельную секту, распространенную в на- роде под разными, крайне многочисленными и далеко еще не приведенными в точную известность названиями, и хо- тя скопцы действительно происходят от хлыстов, хотя скоп- чество есть не что иное, как хлыстовская ересь, подвергну- тая изменениям Кондратя Селиванова, однако же о самих хлыстах было бы несправедливо сказать, что они придержи- ваются скопчества. Напротив, они питают к скопцам самую непримиримую религиозную антипатию и даже ненависть, и, наоборот, скопцы им платят тем же. Достаточно взглянуть в скопческую книгу «Страды искупителя», чтобы видеть это. Что и хлысты и скопцы употребляют при своих «радениях» одни и те же песни и обряды, это еще ничего не доказывает, ибо скопчество образовалось из хлыстовщины, удержав об- ряды этой древнейшей в России ереси. Правда, еще в про- шлом столетии, а также и в нынешнем, были попытки хлы- стов и скопцов соединиться «во един корабль», но каждая из

таких попыток оканчивалась не больше как дракою, а однажды и смертоубийством.

4) Беспоповщина разделяется в приведенном мною правительственном распределении раскола на секты и в самом нашем законодательстве на две отрасли:

а) признающие браки и молящиеся за царя и б) не признающие браков и не молящиеся за царя. А куда отнести признающих браки, но не молящихся за царя, и, наоборот, не признающих браков, но молящихся за царя? А куда отнести те общины поповщины, у которых нет моления за царя? А между тем и те, и другие, и третьи в действительной жизни существуют.

Можно было бы привести еще немало подобных примеров, но едва ли не достаточно и этих для убеждения, что вопрос о расколе доселе представляется в хаотической мгле. А только это я и хотел доказать на сей раз. Повторю, что сказал прежде: надо откровенно сознаться, что теперь мы знаем раскол несравненно хуже, чем знали его наши деды и прадеды. Нередко в нем отыскивают то, чего в нем нет и не бывало, что совершенно ему несвойственно; зато, наоборот, что в нем действительно есть, то упускается из виду, просматривается или же представляется не так, как оно есть.

Письмо четвертое

При той неопределенности понятий и неполноте сведений о расколе и раскольниках, о которой я, кажется, вдался уж во многоглаголанье, – точного, верного разделения его на отрасли ни в русской администрации, ни в русской литературе не бывало.

В XVII столетии, когда образовался собственно так называемый *раскол*, как последствие реформ патриарха Никона, кажется, никому не приходило в голову, что в русском народе кроются *разнообразные* религиозные разногласия. А между тем это было так... Хлыстовщина, например, в это время уже была, и притом давно, и притом не только у нас, но и у западных славян, со времени крещения славянских народов. Так, из Густынской летописи видно, что в 1507 году христовщина и хлыстовщина существовали в Польше и Силезии²⁹. Во время Донского был у них христос Аверьян, уби-

---

²⁹ «Полное Собрание Русских Летописей», т. II, стр. 365. «В то же лето (1507), за Краковом, собрася лестцов неких тринадесять, иже поведахуся быти апостолами и единого межи собою нарекоша Христом и ходиша по селом, безумных лествяще и многи чудеса хитростию твориша: в безводных озерах пред людьми рыбы ловиша, прежде их тамо наметавши; наемше кого да ся мертвым сотворить, донели же его воскресят, тако мертвых воскрешаху и проч. На Шлионску же (Силезии) гостиша у единых жены, и понеже не хоте им дати, еже у ней прошаху, тай вложиша губку зажжену во убрус, отъидоша, грозяще ей пометою от бога; она же не смотревши, вложи убрус со огнем в скрью, и по мале возгореся ей скрья и потом весь дом изгоре. Егда же прииде муж ея и глагола: «что се

тый татарами, во времена Ивана Грозного были в Москве, в Киржаче и на реке Андоме христос Иван Емельянов и богородица Марья Якимовна, при Никоне странствовал по нынешним Костромской и Владимирской губерниям господь саваоф Данила Филиппович, который около Костромы побросал в Волгу и старые и новые книги, говоря, что не в грамоте и не в книгах, а в слове и духе спасение... Рационалисты, со времен «новгородских еретиков», на Руси не переводились, особенно в заволочских монастырях³⁰ по сказанию князя Курбского. Беспоповщина существовала задолго до Никона; начало ее в стригольничестве, появившемся во Пскове еще в XVII столетии. Но разница беспоповщины XIV и последующих столетий от современной, образовавшейся в исходе XVII столетия, весьма важна: та отвергала иерархию и *по принципу* и *по факту*, нынешняя же, признавая принцип, отвергает иерархию *лишь по факту*. Но об этом замечательном явлении в русской жизни, имевшем важное влияние и на развитие молоканских или рационалистских ересей, когда-нибудь после.

До XVIII столетия вовсе не разделяли раскольников на разряды, толки, согласия; всех русских людей, разномыслящих с господствующею церковью, называли общим именем:

есть?» она же рече: «яко Христос ми покая, ему же не дах, еже мя прошаше». Какое разительное сходство с Христом Васильем Радаевым, которого я лично знал в 1850 г. и о котором поговорю в одном из следующих писем.

³⁰ Заволочский край – в нынешних Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерниях.

«раскольщики». Кажется, в то время еще и не подозревали распада раскола на секты, хотя уже в конце XVII века и знали о его разногласиях. В посланиях Игнатия, митрополита сибирского, писанных в девяностых годах XVII века, уже видны указания на эти разномыслия³¹. Но первое распределение раскольников по сектам появилось в первый раз в «Розыске» св. Дмитрия Ростовского.

Помещенное в «Розыске» разделение раскольников на секты не принадлежит самому святителю. Он говорит, что в 1708 году доставлен был ему список сект Иоасафом, строителем Спасораевской пустыни, находившейся среди Чернораменских лесов, называемых св. Дмитрием (не знаю почему) Брынскими³². В следующем 1709 году, в марте, то есть

---

³¹ Он говорит: «Тогда воздвигися презельная буря на церковь Божию, и начата мнози ереси быти и кийждо бяше от них (раскол оучителей) своя нововымышленные ереси начальник». Послание третье. «Православный Собеседник» 1855 года, книга 2, стр. 101.

³² Спасораевский монастырь, упраздненный при учреждении монастырских штатов, в 1764 г., ныне село Спас, на Кезе, Семеновского уезда. Нижегородской губернии, в так называемой Черной Рамени, по соседству с Керженцем. Что св. Дмитрий Ростовский разумел под именем Брынских лесов нижегородское Заповжье, в котором было тогда главнейшее сборище раскольников, это видно из многих мест его «Розыска»; например: «Воевода ростовский Пашков поведи нам: был послан... в Балахонский уезд, в Заузолскую волость. Там содеяна вещь сицевая: есть село Бор от Николы, в том селе у попа Сыся два раскольника подговорили жену его с деньгами и повели в брынские раскольниковские места, аки бы на спасение, и не дошед реки Керженца, те раскольники привели ту попадью в некую храмину пусту. А прежде их пришествия два бортника Толоконцовской дворцовской волости тамо пришедши...» Все эти места, т. е. Заузолская и Толоконцовская волости, р. Керженец, село Бор находятся в Семеновском уезде.

месяцев за семь до кончины св. Дмитрия, ярославец Петр Ермилов, старец Переяславского Борисоглебского монастыря Андроник и еще старец Пахомий, давно живший в Черной Рамени и на Керженце, сообщили ему дополнительные сведения по этому предмету. Когда они были у св. Дмитрия, он показал им «малыя тетрадицы» Иоасафа и спросил, действительно ли такие секты (скиты) находятся у раскольников? Они отвечали: «Теперь не все такими именами скиты прозываются, разве что прежде так назывались, ибо иные скитона начальники перемерли, другие в иные страны переселились, в Польшу многие ушли и там поселились». И затем доставили Дмитрию сведения о существовавших тогда, т. е. в 1709 году, сектах. По списку Иоасафа их было двадцать: из них девять не упоминаются уже во втором списке, но зато вместо них прибавлено четыре новых, так что во втором списке является лишь пятнадцать толков. Вот эти толки:

По списку Иоасафа

1. Христовщина.
2. Иконоборщина.
3. Поповщина.
4. Беспоповщина.
5. Чувственники.
6. Кривотолки.
7. Онуфриевщина.
8. Аввакумовщина.

9. Ефросиновщина
10. Иосифовщина.
11. Калиновщина.
12. Киприяновщина.
13. Иларионовщина.
14. Серапионовщина.
15. Козминщина.
16. Волосатовщина.
17. Исаковщина.
18. Стефановщина.
19. Сожигатели.
20. Морельщики.

По списку Петра Ермилова и др.

1. Христовщина.
2. Иконоборщина.
3. Поповщина.
4. Беспоповщина.
5. Чувственники.
6. Кривотолки.
7. Онуфриевщина, или аввакумовщина.
8. Иосифовщина.
9. Иларионовщина.
10. Серапионовщина, или морельщики.
11. Волосатовщина, или сожигатели.
12. Федосеевщина.

13. Ефремовщина.
14. Иаковщина.
15. Субботники.

Сверх того, в третьей части «Розыска» упоминаются:

1. Подрешетники, или капитоны.
2. Андреевщина.
3. Рогожники, или рубищники.
4. Павлиновщина.
5. Андреяновщина.

Таким образом св. Дмитрию Ростовскому было известно о двадцати девяти раскольнических сектах. Ученый святитель не успел подвергнуть доставленные ему списки надлежащей критике, ибо в октябре того же 1709 года скончался³³.

---

³³ Самый «Розыск» далеко не был окончательно обработан Дмитрием, но святитель, при жизни своей, раздавал отрывки его духовным лицам своей епархии. Эти отрывки впоследствии собраны и напечатаны в первый раз через 36 лет по кончине св. Дмитрия, в 1745 году. Вообще до сих пор история составления «Розыска» не подвергнута еще надлежащей критике, не объяснено, что в этом сочинении принадлежит самому св. Дмитрию и что другим лицам. Известно только то, что св. Дмитрий не успел его совершенно обработать. Припомним однако, что все сведения о раскольниках, о их сектах и действиях св. Дмитрий прямо называет не своими, а полученными от других. Он говорит «Дела раскольническая злая, яве в противность церкви святой творимая, якоже о тех доносится нам суть неизчетна, о них же подробну писати и глаголати невозможно разве знатнейшая где предложим. Не от себе же предложим, аз бо смиренный не в сих странах рожден и воспитан, ниже слышах тогда о расколах в стране сей (Великой России) обретающихся, ни о лесах Брынских, ни о скитах, ни о разнствии вер их, ни о де-

В этих списках с раскольниками помещены и еретики (христовщина, т. е. хлысты, иконоборцы (?), субботники, то есть молоканы), помещены и «*кривотолки*», как особая секта, с таким объяснением: «Все скиты их раскольнические то-го суть именованя, понеже все *криво* толкуют божественное

лах их, но уже zde по божию изволению и по указу государеву жити начен, уведах слухом от многих доношений... Предложим убо то, яже подлинно известно: ово от самовидцов повествователей уведохом, ово от самовидцов слышахом, овая же на письме прияхом» («Розыск», стр. 566). Слова весьма важные. В «Розыске» есть места, описывающие раскольников в неправильном, искаженном виде, и это раскольниками ставится в упрек св. Дмитрию. Они говорят, будто бы он вымышлял много. Но он не вымышлял, а записывал все, что слышал, и потому неточность рассказа падает не на св. Дмитрия, а на сообщавших ему неверные слухи. Имена этих лиц он почти всегда называет. Знаменитая резолюция Петра I (через 7 лет по кончине Дмитрия): «Написать нечто против раскола и сказать на Дмитрия с братьею», вследствие которой Стефан Яворский тайно написал, а Питирим нижегородский явно напечатал подложное деяние на Мартина армянина, набросила сильную тень на святителя Дмитрия, неповинного в этом нехорошем деле, сделанном после его кончины. Память о святом Дмитрие Ростовском, просвещенном деятеле конца XVII и первых годов XVIII столетий, дорога для нас не потому, что он причислен к лику святых, но по его честной гражданской деятельности; он еще ждет своего биографа, который когда-либо представит его в надлежащем свете. Пора, пора снять с святителя Дмитрия взведенную на него клевету. Если бы Дмитрий действительно имел в руках подложное деяние на Мартина армянина, неужели бы он не упомянул о нем в своем «Розыске»? Он вносил в него все не только виденное, но и слышанное, с указанием источника, без своего, впрочем, решительного мнения. «Розыск» он писал до самой кончины своей и не успел его обработать так критически, как обработал другие свои сочинения, например, «Четьи-Минеи» (читаемые и раскольниками). Пора, пора честному историку снять незаслуженное пятно с памяти честного и истинно просвещенного деятеля нашей страны. Более ста лет протекло с той поры, как св. Дмитрий канонизован церковью, пора канонизовать и граждански этого честно-гражданского деятеля Русской земли.

писание»³⁴. Из второго списка видно, что в первом Иоасаф одну и ту же секту, называвшуюся двумя именами, представлял за две отдельные (онуфриевщина и аввакумовщина, морельщики и серапионовщина), и наконец ни в том, ни в другом списке нет разделения на главные отрасли раскола: *поповщину* и *беспоповщину*.

Питирим, прежде расколоучитель, а впоследствии архиепископ нижегородский, в изданной им, по повелению Петра I (в 1721 г.) «Пращице» первый делит раскольников на разряды более точным образом. Вот это разделение:

А. Беспоповщина.

1. Перекрещеванцы.
2. Нетовщина.
3. Андреевщина.
4. Федосеевщина.

Б. Поповщина.

1. Аввакумовщина, или онуфриевщина.
2. Софонтиевщина, или стариковщина.
3. Дьяконовщина, или лысеновщина³⁵.

Питирим, и в бытность свою бродячим раскольников по скитам и лесам, и в бытность свою любимцем Петра I и ниже-

---

³⁴ «Розыск», стр. 67.

³⁵ «Пращица», изд. 1721 г., лист 11, на обороте.

городским архиереем, знал раскол только в нижегородской и сопредельных с ней епархиях. Потому весьма многие отрасли раскола, образовавшиеся в Поморье, польских владениях, в Стародубских лесах, в Сибири, он, по незнанию, не внес в свой список.

О хлыстах и молоканах, которых св. Дмитрий называл именами «христовщины» и «иконоборцев», Питирим вовсе не упоминает, хотя они и были в Брынских лесах (т. е. в нижегородском Заволжье), а в Березополье (нынешнем Горбатовском уезде, принадлежавшем к епархии Питирима) был в его время один из важнейших центров хлыстовщины. Еще больше было хлыстов в самом Нижнем Новгороде, где жил сам Питирим; там люди «именитых людей» Строгановых были в хлыстовщине, за что, в присутствии Питирима, Петр I запечатал великолепную, доселе составляющую украшение Нижнего Строгановскую церковь, в нижнем ярусе которой, под носом Питирима, хлысты совершали свои радения. Таков был «*равноапостольный*», по выражению Петра I, Питирим, к которому абсолютный император охладел со времени обыска Строгановской церкви (во время предсмертного его персидского похода). Но Феофан Прокопович Питириму руку держал, и он не погиб, но, из раскольника сделавшись русским архиереем, потом вместе с Прокоповичем чуть ли не сделался лютеранином.

Полнее список раскольнических сект у Феофилакта Лопатинского, архиепископа тверского, многими страданиями

заплатившего за ревность к православию и нелюбовь к Феофану Прокоповичу и его клеветам. Этот список находится в Феофилактовом «Обличении неправды раскольнической», написанном в двадцатых годах XVIII столетия, но напечатанном не раньше 1745 года. Вот список Лопатинского:

1. Аввакумовщина.
2. Никитовщина.
3. Авраамиевщина.
4. Капитоновщина.
5. Анофриевщина.
6. Иевлевщина.
7. Досифеевщина.
8. Стапановщина.
9. Софонтиевщина.
10. Богомилы.
11. Асафовщина.
12. Потемковщина.
13. Разинковщина.
14. Акулиновщина.
15. Титловщина.
16. Староиконовщина.
17. Осиповщина.
18. Филипповцы.
19. Расстриговщина.
20. Самокрещенцы.
21. Нетовщина.

22. Беспоповщина.
23. Дьяконовщина.
24. Нифонтовщина.
25. Морельщики.
26. Сожигатели.
27. Гробополагатели.
28. Христовщина.
29. Перекрещеванцы:
  - а) андреевщина.
  - б) феодосиевщина.
  - в) даниловщина.
30. Кадильники.
31. Субботовщина.
32. Детоубиватели.
33. Иконоборская.
34. Самостригольницы.
35. Пасховерцы.
36. Меселиане.

Точно так же, как и в списках, доставленных св. Дмитрию, в списке Феофилакта нет систематического разделения на секты и здесь вместе с раскольниками помещены еретики: *молокань* под именами субботовщины и иконоборской ереси, *хлысты* с другими богомильскими ересями – под названиями богомилов, акулиновщины, христовщины и меселиан. Не разделены секты поповщинские от беспоповщинских,

и тогда как перечислены все виды беспоповщины, означена еще секта, под именем «беспоповщины», и пр. Одна и та же секта, известная под разными названиями, означена под видом двух особых сект (дьяконовщина и кадильники).

С двадцатых годов XVIII столетия не являлось ни одного как печатного, так и рукописного сочинения, в котором находилось бы распределение раскольников по сектам, или толкам. После Феофилакта Лопатинского первый составил такое распределение охтинский (что в С.-Петербурге) протоиерей Андрей Иванович Журавлев, который в молодости сам был в беспоповщинском расколе, а после, по поручению князя Потемкина-Таврического, много трудился в увещании и обращении стародубских раскольников к церкви. Сочинение свое о раскольниках³⁶ писал он в девяностых годах XVIII столетия.

Вот как он распределяет раскольников по их толкам:

А. Беспоповщина

1. Поморское согласие.
2. Федосеевщина.
3. Филипповщина.
4. Нетовщина.
5. Пастухове, или Адамантово, согласие.
6. Новожены.

---

³⁶ «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках».

7. Самокрещенцы.
8. Чувственники.
9. Молоканы.
10. Щельники.
11. Селезневщина, или жидаы.
12. Титловщина.
13. Суетные.
14. Познающие, или сомнящиеся.

Б. Поповщина

1. Онуфриевщина.
2. Ветковское согласие.
3. Епифановщина.
4. Дьяконовщина.
5. Перемазовщина.
6. Чернобольцы.
7. Суслово мнение.

В этом списке также есть свои недостатки. Так, например, ереси молоканские, под названиями молоканов, щельников и селезневщины, отнесены к беспоповщине. Не говорю о других недостатках, менее важных, оставляя это до другого времени.

В самом начале нынешнего столетия в рязанской семинарии, по распоряжению местного епископа Симона, составлена была книга под названием: «Наставление правильно со-

стяжаться с раскольниками», в которой также перечислены разные раскольнические секты, на основании сведений, заимствованных из сочинений Феофилакта Лопатинского и протоиерея Журавлева. Нового и самостоятельного в этой книге нет ничего. Распределения по сектам, сделанного Журавлевым, держались и прочие авторы, печатавшие свои сочинения по этому предмету в XIX столетии. Впрочем, у некоторых из них упоминаются и новые, т. е. узванные в последнее время толки, например, скопцы³⁷, хлысты³⁸, духоборцы³⁹, общие⁴⁰, странники⁴¹, бело-криницкие⁴² и пр.

---

³⁷ В 1819 г. напечатана особая книга о скопцах, не дающая, впрочем, надлежащего понятия об этой секте. В 1849 г. в книге иеромонаха Иоанна «Доказательства непоколебимости и важности св. церкви» несколько яснее говорится о скопцах. Лучшее сочинение об этой секте составлено покойным Н. И. Надеждиным («Исследование о скопческой ереси», СПб, 1845 г.); оно составляет чрезвычайную библиографическую редкость. Еще реже книги Надеждина печатное сочинение о том же предмете В. И. Даля, составленное в 1844 г. Я знаю только один экземпляр этой книги и то корректурный. Впрочем, в последние 17 лет открыто немало новых сведений о скопцах, не вошедших в сочинения гг. Надеждина и Даля.

³⁸ О хлыстах, называющих себя «людьми божьими», в «Православном Собеседнике», 1858 г., №№ 3 и 7.

³⁹ О духоборцах весьма замечательно сочинение профессора киевской академии О. Новицкого. Также в «Православном Собеседнике» 1859 г., № 3.

⁴⁰ Об «общих» немногие сведения напечатаны в «Православном Собеседнике» 1859 г., № 4.

⁴¹ О странниках, или бегунах, иначе сопелковское согласие, упоминает преосвященный Макарий в своей «Истории русского раскола». Лучшее о них исследование (рукописи) графа Стенбока.

⁴² О белокриницкой раскольнической кафедре говорят: Григорий, митрополит

Сверх того есть еще несколько толков, о которых ни в одной печатной книге, доселе изданной, не упоминается, но говорится лишь в разных рукописных сочинениях⁴³.

Сюда принадлежат:

А. Поповщина

1. Лужковское согласие, или тайная церковь.

Б. Беспоповщина

1. Аристово согласие.
2. Монинское согласие.
3. Губинское согласие.
4. Рябиновщина.
5. Кондратьевщина.
6. Глухая нетовщина.
7. Петрова Крещения.
8. Дрождники.

новгородский и с. – петербургский, в своем сочинении «Истинно древняя и истинно православная Христова церковь», изд. 2, т. 1, стр. 287 и след., и инок Парфений в своей «Книге о промысле божием». За границей, именно в Буде, в 1849 году под именем епископа (Платона Афанацкевича) одной православной епархии, находящейся в пределах Австрийской империи, напечатаны на славянском языке весьма любопытные сведения о Белой Кринице. Любопытно также сочинение Н. И. Надеждина «О заграничных раскольниках», напечатанное в «Сборнике» г. Кельсиева. В «Христианском Чтении» 1859 и 1860 гг. напечатаны статьи о белокриницких раскольниках и их митрополите.

⁴³ О немногих упоминается в «Сборнике» г. Кельсиева и новом «Энциклопедическом словаре», изданном в Петербурге в 1861 г.

9. Бондаревское согласие.

10. Самооправщники.

11. Перекупыванцы.

12. Церковщники.

13. Кокоревщина.

14. Арсениевщина.

В. *Молоканские*

1. Молоканы-субботники (социниане, унитары).

2. Молоканы-воскресники.

3. Немоляки.

Г. *Мистики*

1. Сионская церковь.

2. Лабзинцы.

3. Десные христиане.

Д. *Богомильские*

1. Фарисеи.

2. Богомилы.

3. Ляды.

4. Купидоны.

5. Лазаревщина.

6. Монтане.

7. Мишпотинская ересь, она же алатырская.

8. Адамиты (Татарина).

9. Наполеоновы.

10. Искатели Христа (ползуны, холстовщина).

11. Шелапуты.

12. Духовные скопцы.

Смотря на приведенные здесь списки религиозных разномыслий русского народа за полтора столетия последних лет, можно было бы вывести заключение, что со времени составления «Розыска» одни толки исчезли, другие возникли вновь. Но такое заключение было бы крайне ошибочно. За исключением некоторых молоканских и богомильских ересей, действительно образовавшихся в XVIII и XIX столетиях, все остальные русские религиозные разномыслия и в настоящее время те же (если не таковы же), как и полтора века назад. Притом сект раскольнических никогда не было так много, как представляют их приведенные списки.

В конце XVII столетия русский раскол, обнаруживавшийся во время церковных реформ, совершенных патриархом Никоном, разделился только на две части: *поповщину* и *беспоповщину*. Когда, с течением времени, у раскольников перемерли попы *старого ставленья* (т. е. посвященные в сан до исправления церковных книг Никоном), тогда одна часть противников Никоновой реформы, признавая необходимость священников для совершения таинств, стала принимать к себе попов *нового ставленья*, т. е. рукоположенных после Никона; другая же часть раскольников отвергла

совершенно священство, объявив, что священный чин повсюду упразднен, и потому таинств более нет, кроме крещения и исповеди, которые, на основании канонических правил, в случае крайней нужды, разрешено совершать и мирянам. Первые, жившие преимущественно во внутренней России и на южной Украине, составили секту *поповщины*; вторые, жившие преимущественно в пустынях северного Поморья и в Сибири, образовали *беспоповщину*. Эта беспоповщина отвергала и отвергает попов и всю иерархию, но не по принципу, а лишь по факту, т. е. признавая необходимость священства и таинств, она утверждает, что в нынешнее время правильных попов нет, восстановление их навсегда невозможно, а потому и совершение пяти таинств (кроме крещения и покаяния) навсегда невозможно. Благодати на земле нет; она взята на небо, – говорят они.

Ни в поповщине, ни в беспоповщине, при самом их образовании, не явилось такого человека, который бы, пользуясь авторитетом у всех своих единомысленников, рассеянных на огромных пространствах широкомасштабной России, дал одни неизменные уставы секты и правильно бы организовал ее. Оттого в раскольнических общинах время от времени возникали разные воззрения на тот или другой предмет церковного устройства. Отсюда произошли разделения, не весьма, впрочем, важные. В конце XVII века, когда преследуемые раскольники, спасаясь от огня, меча и «оземствования» (ссылок), удалялись в леса и пустыни, там, вда-

ли от строгого правительственного надзора с каждым годом являлось множество скитов, т. е. общин пустынножителей, общин, устроенных по образцу монастырскому и большей частью по студийскому. И едва ли не каждый основатель скита, придерживаясь раскола в главных чертах, имел лично принадлежавшее ему воззрение на ту или другую частность раскольнического устава. Это было до такой степени обыкновенно в раскольнических скитах, что вскоре слово «скит» (*обитель, монастырь*) и слово «секта» (толк, согласие) сделались синонимами не только в разговорном и официальном языке законодательства XVII и XVIII ст., но даже и в сочинениях пастырей православной церкви. Так, напр., св. Дмитрий Ростовский, в «Розыске», как я уже заметил, слово *скит* постоянно употребляет вместо слов: «толк, секта»⁴⁴.

Различие между разными толками одного разряда, т. е. поповщины или беспоповщины, не было важно. Разнствовали одни от других то числом поклонов на епитимии за один и

---

⁴⁴ Напр.: «Есть у них скит, глаголемый морельчики, тии якоже и сожигатели, простых людей мужей и жен прельщают» («Розыск», стр. 591). «И иныя многия по лесам тем сказуют быти скиты великие и малые, мужские и женские, и веры тех различны» («Розыск», стр. 68). «Жилища раскольническая в лесах Брынских сугубо именуются скиты и толки...» («Розыск», стр. 598). «В том ските или толку обретается некий мужик» («Розыск», стр. 598). «Ануфриевщина или поповщина – той скит или толк болии всех, вера бо злочестивая ануфриева по многих градах расширяется» («Розыск», стр. 600). «Скиты или толки, кои попов нынешних приемлют, сии суть павлиновщина, андреяновщина, иосифовщина» («Розыск», стр. 601). «Суть же в них и такие скиты или толки, иже ни к поповщине, и к беспоповщине не пристають» («Розыск», стр. 609).

тот же грех, то приемами при каждении кадилом, то употреблением кожаной или холщевой лестовки (четок), то употреблением той или другой надписи на кресте и пр. Каждая отрасль раскола, каждый толк, каждый скит, или секта, назывался по имени главного деятеля: создателя обители, учителя, настоятеля и т. п. Он умирал, место его заступал другой, и скит, управляемый им, принимал новое имя, по имени нового настоятеля. Это новое имя являлось у наших писателей как бы новой сектой, новой отраслью раскола. Возьмем, для наглядного объяснения, поповщину. До 1681 года главой ее был известный протопоп Аввакум, и вот поповщина зовется *аввакумовщиной*. Казнили Аввакума, главой поповщины делается Никита, протопоп суздальский, и поповщина зовется *никитовщиной*. Казнили Никиту, на Керженце является ученик Аввакума Онуфрий, и поповщина называется *онуфриевщиной*. В то же время в других керженских скитах является Софонтий, и поповщина его паствы называется *софонтиевщиной*. По смерти Онуфрия и Софонтия, там же на Керженце, является Александр дьякон, и поповщина зовется *дьяконовщиной*. После казни Александра центр поповщины является на Ветке, и поповщина зовется *ветковским согласием*; добыли поповщинские раскольники давно искомого ими епископа – его звали Епифанием – поповщина зовется *епифановщиной*; после него явился лжеепископ Афиноген – последователи его зовутся *афиногеновщиной*, за ним явился Анфим – явилась и *анфимовщина* \ усилилось московское

общество поповщины, взяло верх над Стародубьем – и по Рогожскому кладбищу, центру московской поповщины, вся поповщина зовется *рогожским согласием*, и т. д., и т. д. А между тем все это одна и та же *поповщина*.

Раскол имел свое движение, свое развитие, что однакож не мешало ему быть неподвижным относительно обряда и воззрения на гражданское устройство общества. Как Гусс далеко не во всем сходен с Лютером, этот с Меланхтоном, а последний с Мюнстером и пр., точно так же и Аввакум несходен с Александром дьяконом, Мануил Петров с Ильей Алексеевичем Ковылиным и т. д. Это движение раскола до сих пор не было еще никем подвергнуто надлежащим исследованиям. К нему обратились слегка, ощупью и наделали сотню сект. А между тем всех русских религиозных разномыслий далеко не сто.

Собственно говоря, в расколе, в том, который произошел вследствие исправлений книг и обрядов патриархом Никоном, в том, который содержит никейский символ и обряд православной веры по книгам, печатанным в Москве до Никона, существенных разделений только два: *поповщина* и *беспоповщина*. Первая признает иерархию и, пока не имела своих архиереев (до 1846 года), брала попов из православной церкви. Вторая отвергает всякую духовную иерархию и, подобно протестантским церквям, имеет у себя учителей не рукоположенных, избранных общиной, но тем разнится от протестантов, что эти отвергают иерархию по принципу, а

беспоповщина лишь по факту. Существенное отличие беспоповщины от православия и поповщины состоит еще в том, что она признает брак только гражданский. В той и другой, особенно в беспоповщине, есть свои подразделения, но они несущественны, временны, скоропреходящи и не имеют никакого догматического значения.

Письмо пятое

Чтобы правильнее распределить религиозные разномыслия русского народа на разряды, надо принять за основание *каноническое право*.

По каноническим правилам господствующей в Российской империи церкви, все несогласные с ее учением разделяются на *три чина*:

- 1) *Еретиков*.
- 2) *Раскольников*, или *схизматиков*.
- 3) *Подцерковников*, или *самочинные сборища*.

К первому чину, т. е. к еретикам, принадлежат те «иже божия веры отнюдь учуждавшиеся», как сказано в «Кормчей» книге русского старинного, еще дониконовского перевода⁴⁵. По православному каноническому праву, из разномыслящих с господствующею церковью русских людей сюда относятся не принимающие во всей полноте никейского символа и отвергающие, или, по своему мудрованию, изменяющие кото-

---

⁴⁵ «Кормчая», старопечатное московское издание в лист, изданная в Москве в 1653 году. Она набрана и отпечатана еще при патриархе Иосифе, но вышла в свет в первый год патриаршества Никона («Кормчая» была издана еще в 1650 г. в Москве – не полна и теперь весьма редка, в 1787 г., в Москве же, в 2 частях, в 1842 году, в Петербурге, в весьма сокращенном виде, под названием: «Книга правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных и святых отец»).

рые либо из существенных догматов христианской веры, как, например, догматы о Троице, воплощении, таинствах и т. п.

Сюда из русских людей, разномыслящих с господствующим исповеданием, относятся: духоборцы, молоканы-воскресники, общие (акинфиевщина), как отвергающие св. таинства; молоканы-субботники, как отвергающие сверх того и воплощение сына божия, хлысты, скопцы, шелапуты и проч. от богомилов происшедшие ереси, признающие вторичное воплощение и, подобно богомилам, сотворение видимого мира дьяволом.

При стройном взгляде на религиозные разномыслия русского народа, все названные сейчас ереси не должно и ставить под одно имя с тем, что у нас собственно и исключительно должно разуметь под словами *раскол* и *раскольники*. Все названные сейчас сектаторы – не раскольники и не имеют ничего общего с раскольниками. Только одно невежество наше ставит их в одну группу с раскольниками. В простом народе, который собственные дела если не постигает ясно, то всегда чует верно, ни духоборцы, ни молоканы, ни хлысты, ни скопцы и им подобные не считаются и не называются «раскольниками». Эти *темные*, по выражению самого народа, секты, о которых многое еще не разъяснено, существуют у нас совершенными особняками; не только православные, но и самые раскольники дичатся последователей этих сект, питают к ним какое-то отвращение и даже суеверный страх, весьма близкий к страху черта или ведьмы, считают

их какими-то загадочными кудесниками, плюют и крестятся при одном упоминании об них. По понятиям простого народа, и православного и раскольников, эти сектаторы – такое явление, которое ни на что не похоже в обычном ходе и развитии русской народной жизни. И все последователи этих сект отрешаются от интересов современной гражданской жизни простого русского народа, они совершенно равнодушны к успехам развития этой жизни, еще менее имеют они сочувствия к преданию, ко временам прошлым. Для них все в их баснословном будущем: молокан ждет Араратского царства, падения Ассура⁴⁶ и тысячелетнего всемирного покоя; хлысты и скопцы ожидают торжественного возвращения «из неведанной иркутской стороны» их «искупителя-оскопителя, царя Петра III Федорыча». И те и другие думают, что, когда осуществится их чаяние, наступит золотой век. Этот золотой век, который, по их понятиям, наступит в отдаленной будущности, они считают идеалом земной жизни, презирая все прошедшее, все настоящее, все близкое будущее. Все эти еретики, говоря каноническим языком, – все эти секты – не наши, не русские; они возникли и развились не на русской народной почве, а занесены к нам в разные эпохи из чужих краев и привились к русскому народу, как нечто чуждое и доселе. У них нет никаких преданий, ни исторических, ни догматических, ни обрядовых, между тем как предание всегда нераздельно со всяким верованием русского челове-

---

⁴⁶ Читайте наоборот: выйдет русса. Толкование молокан.

ка. У них нет преданий, связанных с историческими преданиями русского народа⁴⁷. В самом быте последователей еретических сект утратились или извратились многие отличительные стороны русского народного быта. Все это нашему народу чуждо.

Секты духоборческие, или молоканские, занесены на Русь с протестантского Запада; они проникли к нам еще в то отдаленное от нас время, когда в Западной Европе происходило сильное движение умов по случаю реформации⁴⁸; усилились же в XVIII столетии сначала под влиянием лютеранства, которому покровительствовал Бирон, а потом, по отзыву самих молоканов, вследствие пропаганды крестьян, отданных в военную службу и долго находившихся в плену между протестантами за границей, во время войн за австрийское наследство и семилетней. Что касается хлыстовщины и подобных ей сект, то они, как я уже сказал, занесены в Россию из Византии, или, вернее сказать, из Болгарии, занесены очень давно, современно с принятием христианства св. Владимиром⁴⁹; но и в течение стольких веков эти секты не успели

---

⁴⁷ Предания хлыстов об их старых христах, богородицах и пророках, заключающиеся в песнях, употребляемых ими во время радений, не имеют никакой связи вообще с преданиями русского народа.

⁴⁸ Еретики новгородские: Бакшин, Висковатов, Артемий и т. д.

⁴⁹ Через шестнадцать лет по крещении киевлян в Киеве был ухе обличен богомил-скопец Андриан (Руднева «Рассуждение о ересях и расколах», 29–38). Хлыстовщина имеет много общего с богомилами. Оставляя до другого письма более подробное разъяснение хлыстовщины с приличными указаниями на летописи,

сродниться с русским народом, доселе представляются они большинству его чуждым, несообразным с обычной русской жизнью явлением.

Ко второму чину, т. е. *раскольникам*, или схизматикам, относятся те разномыслящие, которые, по выражению «Кормчей книги», «от церкви себе оставльпе»⁵⁰. Сюда относится весь беспоповщинский отдел русского раскола, отвергающий священство и церковь, хотя и не по принципу,

---

акты и факты действительной жизни, замечу здесь, что успеху богомилства во времена св. Владимира и его преемников много способствовала готовая к восприятию этого учения почва: вероучение финских племен, вошедших в состав первоначальной Руси. Финские кудесники и волхвы, о которых говорит летописец («Нестерова летопись. Пол. собрание русских летописей», 1, стр. 75–78), поразительно сходны, с одной стороны, с современными мордовскими возатями, окруженными тремя парандиатами, тремя туросторами, тремя янбедами и тремя кошангородами (итого 12), а с другой стороны, с христами и пророками разных эпох – богомилскими, хлыстовскими и даже скопческими. Везде учитель, находящийся в непосредственном соотношении с божеством, и почти всегда при нем 12 апостолов, как и у истинного Христа. И у силезского лже-Христа 1507 года, по летописи Густынской, и у Ивана Тимофеевича, лже-Христа, упоминаемого в «Розыске» Дмитрия Ростовского, и у Лупкина, и у Радаева, и у мордовского бога Кузьки, сосланного в 1808 году, и пр. и пр., всегда 12 учеников, или апостолов. Летописное сказание о волхве, говорившем, что человек создан дьяволом, отражается и в религии, например, чуваш, и в веровании богомилов, и в мнении хлыстов. Резание волхвами плеч у женщин и вынимание оттуда меду, жита и скоры, упоминаемое у Нестора, как две капли воды похожи на обряд, совершаемый и поныне у мордвы кошангородом и янбедем пред общественным моляном, и сходны с некоторыми приемами при хлыстовских радениях. Впоследствии надеюсь разъяснить все это в надлежащей подробности.

⁵⁰ «Кормчая книга». Московское издание 1652 г., при патриархе Никоне, л. 225.

а по факту. В смысле каноническом они находятся в таком же отношении к православию, как лютеране и другие протестанты, отвергающие духовную иерархию, преемственную от времен апостольских.

К третьему чину, т. е. к «*подцерковникам*», относится поповщинский отдел русского раскола. В «Кормчей книге» значение подцерковников определяется следующими словами: «иже осуждены бывше от службы и неповинувшиися правилом, но себе господски отметивши и епископы нарицаются и служат и церковь создавшие другую и в своей воли быти пеня указаша и соборную оставиша церковь»⁵¹. Эти раскольники по каноническому смыслу относятся к православию гораздо ближе, чем другие, даже правильно организованные церкви, как, например, римско-католическая, армяно-грегорианская, армяно-католическая, грекоуниатская.

И беспоповщинская и поповщинская секты возникли на русской земле. В них нет ни малейшей примеси чего-либо чужеземного. Они сложились из народных элементов. Это в полном смысле *русский раскол*.

В самом начале, т. е. во второй половине XVII века, этот раскол был голосом консерватизма, протестом русского народа против иноземного влияния, против наплыва нововведений в русскую гражданскую жизнь, а главное, против самоуправства Никона. Церковное разномыслие на первых порах было только личиной консерваторов, которых было нема-

---

⁵¹ Там же.

ло при самом дворе Алексея Михайловича. Этот раскол зародился в кремлевском дворце, на половине царицы Марьи Ильиничны. Оттуда он пошел по Москве и по областям, преимущественно поволжским и заонежским, и сначала имел чисто религиозный характер. Впоследствии, когда раскол уже развился, существенными, характеристическими чертами его сделались: безграничное, возведенное на степень догмата, уважение к старине, к преданию, а особенно к внешним религиозным обрядам, стремление подчинить этому преданию все условия гражданского, общественного и семейного быта, неподвижность жизни общественной, отвержение всякого прогресса, холодность ко всем успехам развития народной жизни, нелюбовь ко всему новому, а в особенности к иноземному, и наконец глубокая, ничем непоколебимая вера в святость и непогрешимость всякого внешнего обряда, всякого предания, которые носят на себе печать дониконовской старины и старой народности.

Идеал гражданской жизни, по понятиям раскольников, состоит в той жизни, какая была на Руси в первой половине XVII и в XVI столетии. Благочестивый царь с бородой, молящийся, как Федор Иванович, беспрестанно в церквях и келейно, одетый в парчу и жемчуг, медленно водимый под руки боярами, тоже бородатыми, непьющими треклятого зелья – табаку и т. п. По приказам – брадатые бояре, по городам – благочестивые и бородатые же воеводы, и те, и другие, и третьи строго соблюдают посты, по субботам ходят в ба-

ню, по воскресеньям – за крестными ходами, часто ездят по святым обителям на богомолья, отнюдь не дозволяют народу бесовских игр и ристалищ «яже от бога отводят, к бесом же на пагубу приводят», истребляют театры, запрещают танцы, музыку, маскарады, воздвигают гонения на общечеловеческое, истинное просвещение, как на богохульное, святыми отцами не заповеданное и притом еще заморское, и пр. и пр.

Суд и расправу они совершают по «Кормчей книге», то есть по градскому закону⁵². Все люди строго исполняют уставы о постах и поклонах, строго соблюдают старые обычаи и вполне подчиняют всю жизнь неподвижному обряду и клерикальному влиянию. Вот идеал политической и общественной жизни по понятиям раскольников.

Для доказательства, что это показание не голословно, я мог бы исписать несколько листов фактами из действительной современной жизни раскольников и множеством выписок из их сочинений. Но это слишком далеко отвлекло бы меня. Ограничусь одной выпиской из «Барнаульских ответов»⁵³. Это сочинение беспоповщинское, составленное в сороковых годах нынешнего столетия. Нарочно выбираю сочинение новое, как выражающее взгляд на предмет современных раскольников, беспоповщинское, потому что беспоповщина, как многие говорят (хотя и не совсем основатель-

---

⁵² Градским законом называются некоторые гражданские законоположения византийских императоров, вошедшие в «Кормчую» и «Номо-канон».

⁵³ Иначе «Сибирские ответы», иначе «Тюменский странник».

но), гораздо развитее поповщины. Вот что говорят «Барна-ульские ответы», например, о гражданском суде существующем и таком, какого *хотелось бы вместо него* раскольникам:

«Иносказательный, духоборный суд! Сидят судии духо-борные, бритые жида, губы жаренья (от сигар), и табаком носы набитые, и табакерки лежат перед ними, и на стене у них поставлен крыж латинский, или Димитрий Ростовский, сущий табачник, Иннокентий Иркутский, сущий бритоус, или Митрофаний Воронежский – только у них мощей своих. А на престоле промежду их (судей) стоит богоотчужденное некое зеркало и прочия Богом ненавидимыя иносказательныя духоборныя книги... И в них («Свод законов») и в зеркале написан богопротивный человек, сиречь Петр Первый, их законодавец, и пастырь, и новый Христос, сиречь антихрист. Так иные судят и распоряжают по своей похоти, сиречь по злату, и по серебру, и по мешкам, и по штофам, и промежду их пребывает и распоряжает противник божий, отец их диавол, т. е. смущенное жидовское собрание их церковь. Зрите опасно!.. При сем поступаю показати от святого писания, каковы прежде были благочестивые суды и присутственные места *и каким порядком и по закону судить и распоряжать должно*. Как прийдешь в присутственное место, во-первых узриши на показанном месте крест животворящий или святую икону. А судии сидят в порядке, и по образу и по подобию божию⁵⁴, хотя и князь, или судия, или бо-

⁵⁴ В другом раскольническом сочинении, «Оглашение Бондарева», писанном

ярин, а все в бородах и промежду их закон божий, сиречь вечное евангелие и седмью вселенскими соборами утвержденное кормило, душевный корабль, сиречь книга Кормчая и прочия Богом вдохновенныя: св. Кирилла, Иоанна Златоустого или преподобнаго Ефрема⁵⁵ и прочия. Так судили по закону, сиречь по небесному, т. е. по Писанию, *и так право судили и так подобает быти суду праву*. И аще кои попротивятся сему праведному суду, яко самому Христу и святым его противятся, и повинен будет вечному суду».

Вот еще место из тех же «Барнаульских ответов», характеризующее взгляд раскольников на гражданские отношения:

«Аще у колеса спица повредится, или укрепа спицы, сиречь закрепа, в опасении или в сумнении пребывает; или дорого ценные часы повредятся, тако же ненадежны пребывают... Зрите опасно! Хотя един шуруп или зубчик у колеса повредится и то все вредно; тако есть писано... солнце на земли благочестивый царь и патриарх... аще благочестивый царь согрешит, то весь мир не умолит, потому что ему дана от бога власть устроить и управлять от всяких неподобных

около 1830 года, сказано: «образ божий в бороде, а подобие в усах». Это мнение весьма распространено у раскольников всех толков.

⁵⁵ Здесь упоминаются те книги, которые, будучи напечатаны при патриархе Иосифе, особенно уважаются раскольниками: «Кириллова книга», составленная Стефаном Зизанием, «Маргарит» Иоанна Златоустого и «Книга Ефрема Сирина». «Кириллова книга» и «Ефрем Сирийский» были перепечатаны, сходно с московскими старопечатными изданиями, в польских типографиях, в конце XVIII столетия (книги переводные). «Маргарит», сколько мне помнится, перепечатан не был.

дел кои богопротивны. Как царь, так и патриарх, – оба лица сильны и пишутся *христовы наместницы*, – во-первых как от пианства и от бесовских песен и в воскресенье торговать запрещают и прочия богу неугодные дела. Такожде и звезды на лице земли были: сиречь митрополиты, архиепископы и епископы, и священницы, и благие учителя, как наричут их и облаки, что они апостольское благовестие истинно учили и толковали и изливали яко дождь на иссохшую землю, сиречь на сердца человеческия».

Таков взгляд раскольников по «Барнаульским ответам», написанным в таком толке, который, хотя несправедливо и без всякого основания, но считается не признающим властей. Заметим при этом, что в идеале государства, представляемом «Барнаульскими ответами», рядом с царем находится патриарх; оба они солнце, оба они *наместники Христовы*. Здесь раскольники зашли чересчур далеко и уклонились в чисто латинское воззрение, противное догматам православия, по которым Христос не имеет на земле никакого наместника, ни светского, ни духовного, и нет видимой главы церкви, ибо сам Христос есть глава церкви.

Таковы раскольники вообще. Само собой разумеется, что в разных толках поповщины и беспоповщины есть свои оттенки, но разницу между ними нельзя назвать слишком резкой. Идеал гражданского устройства, существующий для них в отдаленном, невозвратимом прошедшем, не существует в будущем. Впереди – антихрист, который должен пасть,

но не от руки людей, а от десницы самого Иисуса Христа, как сказано в апокалипсисе, а за падением антихриста немедленно настает воскресение мертвых, страшный суд, райские утехы для верных и вечный огонь, вечный скрежет зубов для неверных.

Торжества своих общин ни раскольники, ни подцерковники не ожидают; такое торжество было бы противно их религиозным верованиям. Таким образом *у них нет никакого политического будущего...* Поэтому рассчитывать в будущем на какую-либо политическую деятельность раскольников, как гражданской партии, как *status in statu*, значит не понимать ни бывшего, ни тем еще менее современного духа раскола... Что бы ни предстояло России в будущем, раскольники, по духу своих верований, не только неспособны быть политическими деятелями, но даже и орудием таких деятелей... Они слепо и не размышляя благоговеют только перед внешностью, перед обрядом давно умершей старины. Симпатии их только в ней одной, и оттого на современное состояние общества они смотрят, как на состояние упадка, и вместе с тем, как на отвержение русской народности, а на будущее, как на еще больший упадок. Это Лотова жена, обернувшаяся назад и оставшаяся неподвижной.

Уже по одному воззрению на современную гражданскую жизнь те и другие сектаторы, свои и чужие, еретики и раскольники с подцерковниками, резко отличаются друг от друга. Для последователей ересей, занесенных на русскую зем-

лю из чужих краев, все совершенство – в будущем; для последователей же сект, образовавшихся на Руси самобытно, все – в прошедшем. Воображение одних видит впереди счастливое, золотое время и торжество своей секты; воображению других представляется в будущем грозный призрак антихриста с казнями, с гонениями и кровопролитием. Побороть его, восторжествовать над врагом божьим нет возможности, ибо торжество его предопределено самим богом и предсказано словом божьим. Он падет, но не от людей, а от бога, и затем немедленно наступит кончина века, разрушение мира. Будущего, таким образом, нет.

Еретики, живя надеждой, раскольники – воспоминаниями, равно не сочувствуют настоящему. И те и другие на современную русскую жизнь прежде смотрели даже враждебно; теперь, вследствие ослабления фанатизма и прекращения преследований, смотрят на все с самым холодным равнодушием. Индифферентизм в делах чужой и даже своей веры, вообще столь свойственный природе русского человека⁵⁶, в последнее время в раскольниках чрезвычайно усилился... по отношению к православию...

Но, смотря столь одинаково на современное развитие русской гражданской жизни, еретики и раскольники с подцерковниками на господствующую церковь смотрят совершен-

---

⁵⁶ Индифферентизм в делах веры преимущественно свойствен великоруссам, в малоруссах и белоруссах его гораздо менее. Но и раскол свойствен только великоруссам: между малоруссами раскольников нет.

но различно. Раскольники и подцерковники взирают на нее более или менее неприязненно, а еретики совершенно равнодушно. Некоторые из последних, как, например, хлысты, фарисеи, скопцы, лазаревщина, без всякого принуждения ходят в православную церковь и исполняют все христианские обязанности еще гораздо усерднее православных, считая это, впрочем, ничего не значащим обрядом и поступая так единственно с целью отвлечь от себя подозрение в сектаторстве. Было много примеров, что опытные и по действиям своим вполне достойные полного уважения священники чрез несколько десятков лет так искусно были обманываемы наружным благочестием этих еретиков, что считали их самыми усерднейшими сынами православной церкви.

Разница в воззрении еретиков и раскольников на православие объясняется тем, что последние, как отделившиеся от церкви, смотрят на нее с горьким, враждебным чувством, как на изменившую, по их мнению, древним своим уставам, как на бывшую когда-то с ними в единении, а потом разорвавшую связи общения. Между тем еретики видят в учении господствующей церкви совершенно чуждое для них учение, столь же чуждое, как римско-католичество, протестантство и пр. Некоторые еретики (скопцы, а по иным местам и хлысты) смотрят на нашу церковь даже совершенно одинаково, как на иудейство, магометанство и идолопоклонство.

Чтобы сколько-нибудь уяснить темную область раскола, постараюсь набросать исторические очерки развития каждо-

го религиозного разномыслия, его догматику и обрядность.

Очерки эти будут кратки, беглы, без строгой систематики, которая потребовала бы много времени и труда. У меня накопилось довольно значительное количество материалов по части раскола. Бог знает, успею ли когда-либо составить систематическое описание раскола, и потому, чтобы не совсем пропали собираемые долгое время факты из действительной жизни и письменные материалы, буду печатать их в полуобработанном виде. Постараюсь, чтобы в дальнейших «Письмах» моих было меньше рассуждений, но как можно больше фактов. Анализировать раскол, как я уже заметил, теперь еще преждевременно. Прежде всего нужны факты, факты и факты. Пускаться же в пышные разглагольствования о расколе по отношению его к земству и пр. и пр., искажая на каждом шагу исторические факты, пускаясь в неудержимые фантазии и для красного словца жертвуя чуть не на каждой странице истиной и уважением к науке, считаю делом нечистым и недобросовестным, для какой бы цели это ни было сделано. Правило – «Цель оправдывает средства» – дурное правило, правило иезуитизма. Тем более недобросовестно умышленное искажение фактов по такому мало исследованному и вовсе почти неизвестному публике предмету, как раскол... В дальнейших моих письмах вы не найдете, читатель, блесков игривой фантазии и остроумия, но факты, факты и факты. Конечно, в этих письмах будет много недостатков и всякого рода несовершенств, но... *господа отцы*

и братья, оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите, исправливая бога для, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дотел, – скажу я с древним нашим летописцем, мнихом Лаврентием.